



ПОРОЧНОЕ
Обещание

ТЕМНАЯ
Одержимость

УБИЙСТВЕННАЯ
Женщина

**Я ПРИДУ
ЗА ТОБОЙ**

ДЖ. Э. ХАСС

Меня зовут Джеймс Финичи, и вы никогда не заметите того, как я подбираюсь к вам. Я передвигаюсь в тени, словно темнота мое второе имя. Я прячусь там, где никто и не подумает меня искать. Я живу, не соблюдая правил и не ограничиваясь условностями. Я никогда не беру пленных и не закрываю глаза, даже на секунду. Я, определенно, не твой рыцарь в сияющих доспехах; я — самый худший твой кошмар. Мое имя — Джеймс Финичи, и ты — моя цель. Когда мы столкнемся, только одному из нас суждено остаться в живых, и это точно не ты. Как только твое имя попадает в мой список на устранение, твоя жизнь окончена. Это сделка, которую я заключаю со смертью, это контракт, что я подписываю кровью, и это окончательное решение. Смирись с этим, другого выхода нет. Мое имя — Джеймс Финичи, и я испорчен. Но однажды я увидел ее. И каждый монстр, который существовал во мне, каждая истина, которую, мне казалось, я постиг в полной мере, каждое порочное обещание, что я давал ранее, вернулось ко мне и ударило меня наотмашь. Мое имя — Джеймс Финичи, и я думаю, что влюблен. 18+

Дж. Э. Хасс

Я приду за тобой

Пролог

Порочное обещание превращается в темную одержимость...

Харпер старается быть незаметной, двигаться по жизни, не привлекая к себе внимания, прячась от тени прошлого, избегая света будущего...

У Джеймса нет ограничений — он неукротимый. Он ищет выход из сложившейся ситуации, разыскивая человека, которому он может спасти жизнь вместо того, чтобы забрать ее.

Стойкость не имеет шанса на победу, когда ты безуспешно пытаешься заявить свои права на девушку, которая источает ауру опасности. Их связь не проста, а будущее сомнительно. Но одно известно точно: поодиночке Харпер и Джеймс опасны, вместе — неудержимы.

Джеймс

Даже если бы я не смотрел...

Даже если бы не наблюдал...

Даже если бы я не был одержим...

Нет никакого гребаного шанса, что я мог бы потерять ее из виду.

Пляж забит до отказа. Сегодня суббота, время медленно перевалило за полдень. Даже, невзирая на июньскую жару, в округе Ориндж погода стоит просто восхитительная. Семьдесят восемь градусов по Фаренгейту (прим. пер. — около 25 °С) в восемь вечера и легкий ветерок, что развеивает ее золотистые волосы вокруг сердцевидного лица. В океане бушуют высокие волны, помогая серферам и дальше заниматься своим любимым делом — ловить и покорять волну. Светловолосая красавица наблюдает за открывающимся перед ней видом, сидя на ступеньках закуской «PierPlaza», и наслаждается скромным ужином, который состоит из фастфуда. Красный оттенок заката смешался с ярко-оранжевым, четко выделяя линию горизонта, которая открывает передо мной захватывающее зрелище: теплые лучи мягкого света падают и ласкают ее загорелое тело.

Прекрасный вечер. Но эта девушка единственное, что я могу видеть.

Я наблюдаю за ней уже на протяжении трех месяцев. Она приходит на пляж дважды в день. В первый раз еще рано утром, как раз перед самым открытием пирса Хантингтон-Бич. Она словно следует какому-то сумасшедшему будничному расписанию, которое, судя по всему, для нее не выглядит чем-то ненормальным, просто привычное действие, которое, как мне кажется, девушка привыкла совершать с того момента, как была еще ребенком.

Затем, во второй раз она возвращается сюда вечером. Сидя на ступеньках, она все еще соблюдает свою негласную традицию, поглощая вечернюю порцию фастфуда. Ее внимание также сосредоточено на океанской глади. Если бы на волнах не было серферов, то она наблюдала бы за тихими всплесками волн.

Но также от моего внимания не ускользнуло, что эта красотка обращает внимание на каждую деталь. На всех, кто проходит мимо, хотя никогда ни с кем не вступает в диалог. Если скейтбордисты, которые катаются по велосипедным дорожкам, проезжают рядом с ней, то она, не долго думая, поднимается и уходит. Если они начинают привлекать к себе внимание, она отворачивается. Иногда они спрашивают ее имя, но она или глухая, или же просто хорошо обучена не вступать ни с кем в контакт.

Но она не глухая.

Я прекрасно знаю, что она не глухая.

Я знаю, где она живет.

Я знаю, что она скрывается.

Также прекрасно знаю, что я самый последний человек, кого бы она хотела видеть. Я ее ночной кошмар. Я тот, кто вырывает крики ужаса и заставляет просыпаться в холодном поту.

Также я знаю о ней много мелочей, о чем она, естественно, даже и не подозревает, хотя она очень наблюдательна. Но я лучше, я тот, коговы никогда не заметите, если я того не захочу. Вы думаете, монстры появляются только ночью. Нет, это не так, это лишь ваша иллюзия. Монстры повсюду, и на это не влияет время суток, мы умеем хорошо

маскироваться. Я даже знаю, что она спит в трусиках-шортиках и тонкой маечке.

Я знаю, что у нее проблемы с тревожностью, потому что она держит пузырек с таблетками в шкафчике ванной комнаты.

Я также знаю, что она никогда не принимала эти таблетки. Я пересчитал их. Но каждый раз, когда я проверяю пузырек, он меняет свое местоположение. Из этого делаю вывод, что она размышляет над тем, чтобы принять их.

Я знаю, что у нее есть телефон, но она никогда не пользуется им. Я проверял в настройках телефона количество минут, которые фиксируются при разговоре. Цифра всегда неизменна. Я знаю, что она хранит деньги дома, они находятся в ее холодильнике. Также мне известно, что иногда ночью она ласкает себя, кончая за считанные секунды, и ее спина соблазнительно изгибается во время оргазма.

Я знаю, что она испытывает чувство безмерной печали и пытается противостоять ему. Я читал ее личные записи. Это не похоже на дневник, просто хаотичные заметки. Каждый вечер перед сном она записывает все, что ее беспокоит, что произошло за день, затем отправляется в кровать, а когда просыпается утром — перечитывает их. Потом она направляется на кухню и сжигает в раковине в кухне, перед тем как начать заново свой обычный будничной распорядок дня. Даже и не подозревая, что я могу приходить и ночью, чтобы наблюдать за ее сном.

Она пишет всегда одно и то же: *«Пожалуйста, поторопись. Пожалуйста, приди за мной. Не забывай обо мне. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не оставляй меня здесь в одиночестве»*.

Я знаю столько всего про нее, но не знаю лишь одного — ее имени. Или же кого она так ждет. У меня есть некоторые мысли по этому поводу, попытка выдать желаемое за действительное. Я не знаю, почему я все еще здесь. Что меня держит рядом с ней. Если я захочу, у моих ног будет любая, но мне этого не нужно.

Но я определенно точно знаю одно, что касается этой девушки: она принадлежит мне.

Я тот, кто пришел за ней. Я тот, кто нашел ее. Я буду тем, кто спасет ее.

Харпер

— Как твое имя?

Голос застаёт меня врасплох, потому что я даже не подозревала, что кто-то ещё был рядом со мной в дальней части пирса. Сегодня утром очень большие волны, которые с шумом ударяются и разбиваются о столбы внизу, настолько сильно, что образуют мягкий туман над водой. Я даже не поворачиваюсь к нему лицом. У него приятный рокочущий голос, от которого внутри меня сразу же разливается трепет, и я понимаю, что слышала его ранее. Я мысленно рисую образ человека, которому принадлежит голос. Он достаточно высокий и накачанный. Он молод. Я продолжаю, не отвлекаясь, рассматривать линию горизонта, буравя сосредоточенным взглядом Тихий океан, ожидая первых рассветных лучей. Водная гладь успокаивается, и мне не нравится, что он прерывает мое сосредоточенное наблюдение за восходом солнца.

— Эй? Я спросил твое имя! — снова раздаётся его голос.

Он один из тех людей, которые любят, чтобы их вопросы не оставались без ответа. Парень, определенно, обладает властью, но он не полицейский и не солдат. У полицейских чаще всего «я-лично-против-вас-ничего-не-имею» и «вы-заставляете-меня-умирать от скуки, поэтому-просто-ответьте-на-мои-вопросы» тон. Солдатам-наемникам, которым за работу платит правительство, наплевать на меня. Таким образом, он также не состоит на службе в армии. Я росла, слушая властные голоса, подмечая, какой вдохновляет, какой пугает, а какого нужно остерегаться. По голосу этого парня я могу точно сказать, что он никогда в своей жизни не испытывал страха. Он привык, что ему подчиняются и явно не привык, что его вопросы остаются без ответа.

Он один из нас, мое сердце почувствовало его. Я сразу же поняла это, даже несмотря на то, что он произнес всего пару слов.

Я не выдаю себя, просто продолжаю искать взглядом голубую линию горизонта, где океан сольется воедино с небом, когда первый луч коснется водной глади. Почему люди не могут оставить меня в покое? Что им вечно от меня нужно?

— Эй, женщина, — недовольно бормочет он и делает пару шагов ко мне. На нем нет ботинок, он босой, я могу это сказать по тому, как его ступни шаркают по бетонному пирсу, когда он приближается ко мне. Мое сердце сжимается на несколько секунд, и я судорожно соображаю, не хочет ли он причинить мне боль. Было ли ему позволено причинить мне боль или ранить меня? Я много раз прокручивала в голове момент, когда меня найдут и попытаются схватить, но такого в моем сценарии точно не было.

Готова ли я?

Он кладет руку на мое правое плечо, слегка сжимая его, затем разворачивает меня к себе. Это становится спусковым механизмом для меня. Я не хочу, чтобы он видел мое лицо. Ему не позволено видеть мое лицо, никому не позволено.

Я хватаю его запястье двумя руками, немного наклоняясь вперед, и отставляю одну ногу назад для равновесия и опоры, делая подсечку. Затем поднимаю его и делаю не очень аккуратный бросок. Это все, потому что он намного крупнее и тяжелее всех, на ком я, когда-либо тренировалась. Парень вместо того, чтобы перелететь через мое плечо и упасть,

скатаывается с моего плеча на бок, но выиграть немного времени — это все, что мне сейчас нужно.

Я быстро забираюсь на перила пирса Хантингтон-Бич и прыгаю в туман.

Я погружаюсь в темные волны океана с негромким всплеском и затем слышу лишь, как разбиваются волны о бетонные столбы. Я плавно изгибаюсь, меняя положение движения тела, и плыву против сильного течения, затем делаю кувырок и плыву в противоположную сторону, со всей силы отталкиваясь ногами. Я выныриваю под пирсом, но внезапно меня настигает волна, захватывая как тряпичную куклу, и с невероятной силой отбрасывает головой вперед, впечатывая в один из бетонных столбов, что поддерживают пирс.

Острая боль пронзает голову, и мое тело на мгновение немеет, восстанавливаясь от силы удара.

Мои инстинкты замедлены, мой страх — моя ошибка. Я открываю рот и начинаю захлебываться, инстинктивно заглатывая еще больше жидкости, я из последних сил устремляюсь вверх, откуда проглядывается маленький лучик света.

Я чувствую, как сильная рука хватается меня за щиколотку и делаю усилие, проглатывая воду, чтобы она не попала в мои легкие. Я пытаюсь отпихиваться и пинаться, но мой организм слишком перегружен и дезориентирован, но все же пытается справиться с опасной для жизни ситуацией. Наконец, я прекращаю бороться, позволяя ему подтянуть меня ближе к своему телу.

Если этот парень прыгнул вслед за мной с пирса, то он не отпустит меня просто так, нет ни одного гребаного шанса, что я смогу одержать над ним победу под водой. Я просто-напросто захлебнусь.

Его рука отпускает мою лодыжку и на этот раз хватается меня за предплечье, подтягивая меня ближе к поверхности. Я выныриваю из воды, делая спасительный и такой долгожданный глоток воздуха, и сразу же начинаю откашливать воду. Адреналин пронесется яркой вспышкой и бурлит в моей крови, это наиболее простейшая реакция для организма в таких ситуациях, которая называется механизмом «бей и беги» (прим. пер. — реакция, связанная с выработкой адреналина в угрожающей ситуации). Каждый мускул в моем теле тянет и покалывает от резкого всплеска энергии. И как бы это странно не звучало, моя единственная мысль, пульсирующая в голове: насколько я буду утомлена, если выживу.

Я резко возвращаюсь в реальность. Я не выживу, если не справлюсь с охотником.

Я кричу. Он быстро закрывает мне рот ладонью, прижимая ее жестко и крепко к моим губам, как будто я только что вывела его из себя.

— Тихо, — он выплевывает шипящие слова, больше напоминающие приказ, мне на ухо, затем резким движением переворачивает меня на спину, его рука проскальзывает под моей рукой, крепко хватая меня за грудь. — Черт побери, успокойся, женщина!

Женщина? Я просто девчонка. Он не видит этого? Он не видит, что я просто девчонка?

Он размеренно плывет по направлению к берегу, неизменно увлекая меня за собой, крепко удерживая рукой. Каждые несколько секунд накатывающие волны Тихого океана бьют по нам, и соленая вода заполняет мой рот и нос. Я стараюсь проглотить ее, но давлюсь и кашляю, мужчина приподнимает меня над поверхностью воды, чтобы я могла вдохнуть побольше воздуха в легкие. После нескольких минут упорной борьбы, я, наконец, чувствую, что его ноги находят опору — он ступает на песчаное дно, затем более уверенно становится на ноги и поднимает меня на руки, слегка укачивая, словно баюкая в колыбели.

Внезапно, я отчетливо понимаю, что это мой единственный шанс, поэтому резко

поднимаю ноги, подаюсь рывком вперед и вырываюсь из его рук, вследствие чего мы оба падаем назад, и новая волна захлестывает нас со всей силой.

Я продолжаю извиваться, и он ослабляет свою хватку на моем теле. Когда я уже думаю, что мне грозит реальная опасность вернуться обратно в волны океана, его сильная ладонь хватается меня за лодыжку и подтягивает к себе. От его мощного рывка резкий укол боли простреливает в моем колене. Моя легкая рубашка, словно воздушный шар поднимается вверх за счет волн и облепляет мое лицо, грозя задушить меня.

Я начинаю кашлять и быстро цепляюсь за ткань, чтобы убраться от моего лица, от шеи, потому что она вот-вот задушит меня, и на этот раз нет никакой гребаного шанса, что я смогу избежать своих страхов. Он резко переворачивает меня и тянет по направлению к пляжу, пока мы, наконец, не выбираемся из воды, тогда он обрушивается на меня, накрывая своим мощным телом, горячо дыша мне на ухо. Жесткие мышцы его груди припечатывают меня, не давая сделать ни единого движения. Наши сердца бьются в унисон от смеси страха и адреналина, а может, от боли и долгого пребывания в воде, я точно не уверена.

— Пожалуйста, — я издаю стон, когда не могу больше выдерживать вес его тела на себе. — Ты меня раздавишь!

Но он не двигается, просто продолжает дышать, его грудь вздымается и опадает, из-за чего я чувствую, движение его тела поверх моего, и сейчас все начинает ощущаться более интимно. Я впиваюсь ногтями в его упругие рельефные мускулистые плечи.

— Прекрати, — говорит он спустя пару секунд. — У тебя идет кровь, и если ты не прекратишь эту глупую борьбу, ты только причинишь себе еще больший вред.

— Слезь с меня, или я закричу, — сердито выплевываю я грубые слова.

— Ну, тогда кричи, — говорит он спокойно, сейчас его дыхание больше не прерывистое. — Тебя арестуют за то, что ты пыталась спрыгнуть с пирса. Я скажу, что спас тебя. Скажу, что ты пыталась убить себя. Если ты сейчас издашь хоть писк, то твоя жизнь усложнится в мгновение ока. Поэтому давай, дерзай, пусть весь мир узнает, что ты здесь, подо мной, Рыба-лев (прим. пер. — морская рыба, которая обитает в Тихом и Индийском океанах, у нее мгновенно срабатывает инстинкт самосохранения, заложенный у них на генетическом уровне, когда к ней пытаются приблизиться). Мне честно, наплевать.

Его грамотные, продуманные слова, вместе с прозвищем, что он мне дал, вносят в мои мысли чувство противоречия. Внезапно, я становлюсь очень неуверенной в себе. Меня одолевает страх, я никогда не думала, что все будет настолько ужасно. Он не побоялся спрыгнуть за мной с гребаного пирса! Значит, он именно тот, о ком я думаю.

— Что ты хочешь от меня? — на этот раз я говорю спокойно, мои слова не наполнены ни гневом, ни злостью, потому что он прав. Он прекрасно понимает, что я не смогу кричать, потому что не хочу привлекать к себе лишнего внимания. — И, кстати, ты не спас меня, я не пыталась покончить жизнь самоубийством.

Он откидывает голову и начинает смеяться, его бедра на долю секунды теснее прижимаются к моим. Мое дыхание сбивается, и с губ срывается крохотный стон. В момент моей слабости, он располагает руки с двух сторон от моего лица, и спустя пару секунд мощная волна накрывает нас. Меня мгновенно захлестывает чувство паники, и я вздрагиваю от ужаса, крепко сжимая глаза и рот в отчаянной попытке не наглотаться соленой воды.

Сильные ладони, не теряя ни секунды, проскальзывают мне под голову и приподнимают ее из опасной зоны, где я могу запросто захлебнуться водой, но уже слишком поздно механизм запущен, адреналин, словно мощный укол, пронзает мое тело и

распространяется в крови. Страх завладевает мной, и меня начинает бить крупная дрожь, рыдания вырываются из меня, когда я слышу властный голос:

— Открой глаза. Слушай мой голос, сосредоточься на нем.

Я не стану ему повиноваться и открывать глаза.

— Отвали от меня! Отвали!

— Я сказал тебе, открой глаза и посмотри на меня! Не смей повышать на меня голос.

— Нет, просто сделай это! Если это то, для чего ты тут, сделай это и убирайся! Оставь меня тут!

После этих слов я начинаю рыдать по-настоящему, столько всего произошло за такой короткий промежуток времени: я пытаюсь бороться с парнем, который сильнее меня, который, бл*дь, прыгнул вслед за мной с пирса из-за попытки побега, я со всей силы ударила о бетонный столб, наглоталась воды, почти задохнулась, и, наконец, я поймана в ловушку, он окружил меня своим сильным и твердым телом. Я поймана этим человеком, который... который... вызывает во мне не только отстраненные чувства и страх.

Он не предпринимает никаких действий. Сейчас его дыхание восстановилось, и я бы хотела сказать то же самое про себя, но, к сожалению, это невозможно. Он просто продолжает ждать, когда я, наконец, свикнусь с произошедшим, когда успокоюсь и выслушаю его.

Но теперь, прекратив рыдать, я начинаю истерически смеяться.

Размышляла ли я когда-нибудь, что моя жизнь закончится именно так? Я не повержена и не одержала победу. Я самое слабое живое существо, я не борюсь, все силы покинули меня. Я та самая жалкая пленница, которая хочет своего похитителя.

— Господи, теперь тебе смешно?

Его вопрос заставляет меня прекратить смеяться. Потому что и правда, тут нет ничего смешного, а то, что сейчас произошло, было вызвано стрессовой ситуацией.

— Нет, — пишу я. — Нет, это совершенно не смешно, но я очень напугана.

Мои зубы сильно стучат от ледяных волн океана, что легко набегают, накрывая наши тела, а затем все так же легко отступают.

Он ждет.

Я жду.

Волны набегают и отступают.

Его тело неподвижно и спокойно прижимает меня к берегу. Затем он быстро прикасается лицом к моей шее и, когда волна, наконец, отступает, произносит:

— У тебя кровотечение, ты ранена. Голова сильно болит?

Я отвечаю ему легким кивком и продолжаю бороться с чувством паники, пытаюсь изо всех сил держать дыхание под контролем, чтобы из горла не вырывались всхлипы и испуганные стоны, но эта попытка столь же провальная, как и мое отрицание того, что меня возбуждает этот парень.

Его большие ладони все еще придерживают мою голову, не позволяя наступающим волнам заполнить мои дыхательные пути соленой, обжигающей водой. Спустя примерно минуту, мое сердце прекращает стучать, как сумасшедшее, и я расслабляюсь в его объятиях.

— Лучше? — спрашивает он.

Я киваю.

— А теперь открой глаза.

Я постепенно принуждаю дыхание стать более равномерным и подчиняюсь ему,

смаргивая воду в течение пары секунд, когда его образ приобретает смутные очертания.

— Ты не выглядишь, как киллер.

Он застигнут врасплох моими словами или, может, скорее всего, шокирован. Скажем так, на минуту другую я вижу растерянность на его лице. Затем его лицо принимает привычное выражение, он смотрит на меня отстранено и безразлично. Я рассматриваю его, пока он молчит. Его глаза словно насыщенные изумруды, они настолько сияющие, что у меня перехватывает дыхание. Он нависает так близко надо мной, что я могу без труда рассмотреть в его зрачках карие и желтые вкрапления. Я тяжело сглатываю и смотрю пристально в его глаза.

— Теперь что?

Он внимательно рассматривает меня, и мгновения, что растягиваются на минуты, вносят ощущение неуютного молчания. Он лежит на мне, его тело накрывает мое, прижимая меня к берегу.

И затем он словно проникает в мои тайные мысли, читая каждый секрет, каждый страх. Я вижу в его глазах задумчивое выражение, скорее всего, он размышляет, какое из его движений заставило меня чувствовать себя неуютно. Он легко приподнимает ногу, прижимая ее к моему бедру, затем делает то же самое со второй. Я прикрываю глаза, с губ срывается судорожный стон, и я начинаю плакать с новой силой, меня одолевают мысли, что он собирает изнасиловать меня, что он намерен причинить мне боль.

— Почему ты плачешь?! — говорит он, садясь на мои бедра, удерживая меня ладонями за плечи. Но он очень бережно обращается со мной, не обрушивая весь вес своего тела на меня.

Я открываю глаза и смотрю на него. Почему он спрашивает меня такие вещи? Со стороны это звучит, как вопрос пятилетнего несмышленного малыша.

Он всматривается в мое выражение лица на некоторое время, затем задает вопрос:

— Как думаешь, что я собираюсь сделать с тобой?

— Убить, изнасиловать, пытать, забрать меня отсюда. Или может, все то же самое, но в обратном порядке.

У него потрясающе красивое лицо. Его черты идеальны. Волосы короткие и темные, у него нет бороды, но есть небольшая щетина, что покрывает его подбородок и щеки. Я даже отпускаю про себя ироничную шутку, что, может, он настолько занят, преследуя девушек на пирсе, что побриться времени у него не осталось. Глаза его прекрасны в той же степени, что и остальные черты лица. Пухлые, четко очерченные губы настолько восхитительные, что достаточно одного моего взгляда на них, как по венам растекается лава, теплая волна накрывает низ живота, покачивая меня на волнах удовольствия. Его губы так и манят меня... Бл*дь, в чем моя проблема?

Я меняю тактику.

— Пожалуйста, слезь с меня, и просто сделай то, зачем ты пришел.

— Хорошо, — говорит он с улыбкой. Его улыбка... Его улыбка самое потрясающее. Она искренняя и широкая. У него идеальные зубы... Идеальные белые зубы. Я имею в виду, что когда смотришь на него, по нему нельзя сказать, что он наемный убийца. — Давай перейдем к делу. Я хочу знать твое имя. И прими к сведению, я не люблю, когда не отвечают на мои вопросы.

ЧТО?!

— Мое имя? Ты ненормальный? Ты прыгнул с пирса и плыл за мной, потому что я не

сказала тебе, как меня зовут? У тебя с головой все в порядке?

— Ради всего святого, я спас тебя, женщина!

Мое тело буквально загорается от его слов. Женщина. Почему он называет меня так? Он же видит, насколько я молода. Я не женщина. А сейчас я чувствую себя словно маленький ребенок.

— И я хочу услышать то, что было дано тебе при рождении твоими родителями. Не смей врать, я пойму.

Да уж, могу поклясться, что он точно узнает. Следует ли мне говорить ему имя? Я поворачиваю голову на бок и вздыхаю. Если честно, сейчас мало что имеет значение. Он поймал меня. Если он не знает, кто я такая, зачем ему это все?

— Харпер, меня зовут Харпер. — Он издает смешок, затем произносит мое имя, медленно и неспешно, будто пытается распробовать, как оно ощущается у него на языке.

— Ммм, Харпер, — повторяет он опять, и знаете, у него такой вид, будто он знает какую-то тайну обо мне. — Мне нравится.

Он поднимается на ноги и тянет меня вслед за собой, и перед тем как я могу воспользоваться возможностью и попытаться сбежать, он резким движением оттесняет меня к бетонному столбу пирса. Зеленоглазый красавчик прижимается ко мне своим твердым телом, его грудь вздымается и тем самым, каждый раз, слегка задевая мои соски, его руки расположены по обе стороны моей головы.

— Я предполагал, что тебя будет легко заполучить, но ты оказалась загадкой. Я ошибался. За твоей миловидной внешностью скрывается тигрица. А может, ты даже немного ядовита, ммм? Нам стоит это проверить? Что ты думаешь на этот счет, Рыба-лев?

Он тепло улыбается, и на его щеках появляются ямочки. Он выглядит непостижимо, потрясающе красив для убийцы, но не стоит забывать, что некоторые цветы с виду тоже красивы, но когда к ним прикасаешься, они могут лишиться тебя жизни за считанные секунды.

— Как ты уже поняла от меня не так просто сбежать, во мне есть что-то от осьминога, поэтому, сколько не вырывайся, я тебя настигну. От меня еще никто не сбежал, если я берусь за что-то, то всегда доделываю до конца.

ЧТО!?! У него точно не в порядке с головой.

— Знаешь, что, Харпер, не сказать, что я сильно поражен, но все же не могу промолчать... Как я понял, что ты лучше прыгнешь с пирса в океан, чем пойдешь со мной на свидание. Это чертовски ранит мое эго.

Громкий смех вырывается из моего горла, я не могу сдержаться.

— Что? Свидание?

— И, кстати, большинство женщин даже бы и не задумались, — говорит он, игнорируя мой вопрос, — о том, что парень собирается убить или изнасиловать их, лишь потому, что он поинтересовался, как ее зовут.

Он склоняется ближе ко мне, я же ничего не могу поделать и смотрю, словно зачарованная, на его идеальные губы.

Он что, собирается меня поцеловать?

Он придвигается еще ближе и, когда его губы всего в миллиметре от моих, резко прижимается губами к моему уху и шепчет:

— Если честно, на сегодня я не планировал ничего грандиозного, так быстрый перепих, — от его слов влажное желание пропитывает мои трусики, — и ничего больше. Я думал, что пару бутылок «Короны» и тако на пляже, плюс веселое общение, сделают свое

дело. Ну, или же, если бы ты не согласилась, я бы приложил немного фантазии и дорогой ресторан, бутылка вина, определенно, помогли бы забраться к тебе в трусики. И наша ночь закончилась бы у тебя. Нас бы ожидал отличный развратный трах, я бы взял тебя по-всякому, как бы мне того хотелось. А когда бы ты утомилась и погрузилась в сон, я бы исчез среди ночи, оставив тебе шикарные воспоминания о многократных оргазмах.

Я тяжело сплываю, когда он подносит ладонь к моему горлу и слегка сжимает его, рисуя большим пальцем круги на моей коже. Внезапно, он слегка надавливает пальцем на сонную артерию, как будто оценивая мою реакцию по тому, как бьется жилка на шее. Я задерживаю дыхание, когда его ладонь скользит ниже, и теперь она лежит на моем плече.

— Но теперь все изменилось, меня больше не устраивает прежний план.

— Нет? — я беззвучно шепчу одними губами, сознание словно смывает прибойной волной. Что вообще происходит, задаюсь я вопросом в миллионный раз.

— Нет, — говорит он и смотрит на меня напряженным взглядом. — Я наблюдал за тобой все утро, пока ты совершала свои привычные действия: подтягивалась, занималась пробежкой, выполняла приседания. Затем ты спокойно прошла в самый конец пирса. И все это время ты остервенело наблюдала за пляжем. Ты наблюдала за людьми.

— Я никогда не видела тебя, — отвечаю я, и паника накрывает меня с новой силой.

— Нет, я не буду отрицать этого, Харпер, я не из тех, кто стремится быть замеченным, ловкость и умение оставаться незамеченным у меня в крови. Но я тут подумал, — продолжает он, быстро меняя предмет разговора и переключаясь на меня, — возможно, ты просто была слишком аккуратна. Ну, может, даже это немного смахивало на манию преследования. Скорее всего, ты испугалась, что на тебя хотел напасть бездомный, который находился в поисках дозы, поэтому ты так поступила. Если честно, это нормально, Харпер.

Господи, то, как он произнес мое имя. Почему этот мужчина заставляет меня так чувствовать?

— Именно это в тебе меня заинтриговало, Харпер. Понимаешь, меня охватило чувство любопытства. У меня было такое ощущение, что я прикасаюсь к чему-то совершенно новому, как если бы я увидел необычного, но до этого момента незнакомого мне жука, и желал бы поближе рассмотреть его. И, кстати, должен признать, что твой прыжок с пирса просто восхитителен. Хотел поинтересоваться, ты занималась подводным плаванием в школе или в университете? — не дожидаясь моего ответа, он продолжает гнуть свою линию разговора. — Прыгнуть с пирса, чтобы не говорить мне свое имя? Знаешь, это по-настоящему интригует, Харпер.

— Правда?

— Естественно, ты что думаешь, я каждый день встречаю девушек, которые прыгают с пирса, чтобы сбежать от меня?! — когда он выдыхает эти слова мне на ухо, слегка касаясь мочки и раковины уха мягкими горячими губами, мысли уносятся из моей головы. Кончик его языка нежно касается моего уха, я склоняю плечи и издаю легкий гортанный стон.

— Харпер, — говорит он хриплым сексуальным голосом, — я все еще хочу трахнуть тебя разными развратными способами, но не сейчас.

— О боже, — хнычу я. — Просто скажи мне сейчас, что ты хочешь от меня?

Он отстраняется. Кладет свою большую теплую ладонь мне на горло и длинными пальцами приподнимает мой подбородок, чтобы наши взгляды встретились.

Я повинуюсь ему. Он словно вводит меня в состояние транса. Он полностью очаровал меня.

— Я... я хочу знать.

И затем его горячие губы накрывают мои, он проводит кончиком языка по моим сомкнутым губам, чтобы я их приоткрыла и впустила его настойчивый язык. Он прижимается ладонью к моему чувствительному местечку между ног, затем его пальцы потирают клитор, слегка сжимая его, легко перекатывая между пальцами, я чувствую, что становлюсь ужасно влажной. Его другая рука накрывает мою грудь и легко сжимает твердый и чувствительный сосок, тело пульсирует и наливается энергией, скрытым желанием, кожу покалывает от ожидания большего, смеси страха и страсти.

На вкус он словно соль. Его поцелуи, как глубокий, бескрайний океан, что завораживал меня на протяжении долгого времени. Он словно опасный, смертельный, не прощающий даже легких ошибок океан, он может делать с моим телом все, что хочет. Он может отшвырнуть меня в сторону, он может крутить мной, как хочет, ему под силу одним прикосновением губ забрать весь мой воздух из легких и наполнить меня собой. Одно его прикосновение, и я становлюсь безвольной и податливой.

И именно так я сейчас себя чувствую.

Его поцелуй становится неудержимым, диким, страстным, развратным, с каждым движением языка он будто пьет из меня жизнь, его ладонь грубо сжимает мою грудь и второй рукой он ласкает мой твердый, пульсирующий от желания клитор. Мои ноги превращаются в желе, я чувствую, что могу рухнуть на песок в любую минуту, и хотя прикосновения этого мужчины самое желанное, я начинаю извиваться в его руках и отталкиваю его.

— Прекрати!

Но этого недостаточно. Нет. Его пальцы опять приподнимают мой подбородок, чтобы я встретила с ним взглядом.

И когда я решаюсь поднять свои глаза и посмотреть на него, его уже нет...

Как будто его тут и не было...

Харпер

У меня уходит пара минут, чтобы прийти в себя на пирсе Хантингтон-Бич. Город потихоньку оживает, и жизнь продолжает идти своим чередом. Рассвет нежно накрыл город, так же тихо и легко, как затем растворился в суете дня, заполняя улицы потоком шумных машин и множеством спешащих по своим ежедневным делам людей, в то время как я сражаюсь со своими страхами и демонами. Воздух наполняет какофония звуков: машины, не переставая, сигналият, люди смеются, с дорожек доносится велосипедный шум. Даже несколько человек прогуливаются по пляжу. Игра в волейбол только что началась, как всегда напротив ступенек «Pier Plaza». Мое беспокойство возрастает с каждой проходившей секундой, но я собираю все свои силы, стараясь не упасть в обморок, потому что мне необходимо идти домой.

Я поднимаюсь и начинаю идти по направлению к пляжу. Песок, прилипший к моей влажной одежде, доставляет некоторый дискомфорт и раздражает кожу. Я рывком снимаю с себя рубашку через голову и остаюсь в одном спортивном бюстгальтере.

В пути я прокручиваю в голове произошедшее и прихожу к неутешительному выводу, что это было совершенно асексуально. Это было... я внутренне замираю, в попытке подобрать верное слово — нападение. Да, именно нападение.

Хотя, как бы я не пыталась отрицать, это чувствовалось возбуждающе и сексуально. Он звучал возбуждающе, когда поддразнивал меня горячими, пикантными подробностями того, что он хотел бы со мной сделать. Потом он украл мой поцелуй, прикинув к губам, затем его язык проник в мой рот, безжалостно сминая губы.

Я делаю глубокий вдох, принуждая себя расслабиться и успокоиться, когда ступаю босыми ногами на бетонные ступеньки. Это отвратительное ощущение — идти по улице босиком. Я совершенно не против того, чтобы ходить босиком по пляжу, палубе корабля или по дому, но только не по улице. Я спешно поднимаюсь по ступенькам «Pier Plaza» и приближаюсь к главной улице.

Я пересекаю главную дорогу тихоокеанского побережья и направляюсь на север к жилому комплексу, избегая мотоциклистов и ранних утренних бегунов, затем я сворачиваю направо и следую по дороге, которая проходит мимо полицейского участка. Да, да, это звучит ненормально особенно для такой девушки, как я, но я правда живу непосредственно напротив него. Ну, если быть точной, не совсем напротив, потому что напротив располагается мексиканский ресторанчик, где, к слову, подают отличные тако, но моя квартира рядом. И мой брат умер бы со смеху, если бы узнал, что я живу прямо под носом у гребаных копов... На моих губах появляется крошечная коварная усмешка.

Я позволяю себе рассмеяться. Даже, несмотря на то, что мое утро было отстойным, и какой-то незнакомый парень домогался меня, я должна признать, что мне все это понравилось. Святые угодники, он практически трахнул меня там, с оговоркой «практически», если бы он захотел, то взял бы меня там, и я бы не пискнула, потому что желала его.

Люди никогда не обращают на меня внимания, потому что я неприметная, я не существую ни для кого, ни с кем не общаюсь и не привлекаю к себе внимания. За

исключением парня с потрясающими зелеными глазами.

Я стараюсь изо всех сил выглядеть непривлекательной. Например, я никогда не укладываю волосы, а всегда собираю их в неряшливый хвостик. Еще я никогда не делаю макияж. Моя кожа имеет золотистый загар, мои волосы от природы шелковистые. Есть пряди, которые на тон светлее, чем остальная пышная копна волос. Со стороны может показаться, как будто я провожу множество времени в салонах красоты, но это не так. Это то, что мне досталось от природы.

А вот мистер Красавчик, который решительно прыгнул за мной с пирса, из тех парней, кого невозможно не заметить. Он высокий — мой подборок едва достигает его плеча. Он обладает мрачной притягательной красотой. Этот парень широкоплечий и мускулистый, с квадратной челюстью и сильным подбородком, который покрыт щетиной. А его необычного цвета зеленые глаза, лишь подчеркивают его темную красоту. Также я отлично помню, что мышцы на его груди были жесткими и твердыми, к слову, как и его возбужденный член.

Я мысленно вздрагиваю и прогоняю подальше свои тайные желания.

Он источал силу и власть. И те пару мгновений, когда он бережно поддерживал мою голову над водой, чтобы я не захлебнулась... он был именно тем, кого я так хотела на протяжении долгого времени, кого я искала для себя. Но, в то же время, он был тем, от кого я должна была бежать.

Я пересекаю улицу, направляясь к шестифутовым деревянным воротам, которые огораживают здание, что расположено внутри. Я вожусь с замком, который представляет собой хитроумное изобретение, где используется веревка, которая подтягивает рычажок с другой стороны, тем самым открывая ворота и позволяя пройти по аллее, ведущей к жилому зданию.

Тут живут только четыре человека. Двое проживают в квартирах-студиях, располагающихся на первом этаже. Пожилой мужчина живет на втором этаже в пентхаусе. Ну, и я. Моя квартира находится на нижнем этаже, который чаще всего именуется подвалом или подвальным помещением.

Несмотря на то, что я проживаю одна на этом этаже, я делю свое пространство с комнатой, отведенной под прачечную, так что моя квартирка весьма скромных размеров, по сравнению с квартирами других. Тут располагается небольшая кухня, ванная и гостиная, которая служит также и спальней.

Если бы Красавчик настоял на своем, то он бы сегодня меня трахал.

Боже. Откуда вообще пришли эти мысли?

«Харп, не забывай, что именно он пришел к тебе. И он знает твое имя, твое гребаное имя!» — тонко нашептывает мне назойливый голосок в голове.

Я качаю головой, в попытке избавиться от назойливых мыслей, что роятся у меня в голове, как стая жужжащих пчел, прохожу мимо прачечной и направляюсь напрямик в подсобное помещение, где обычно храню ключи. Я не беру ничего с собой, когда покидаю квартиру. Ни телефон, ни ключи, и уж тем более удостоверение личности. Когда я выхожу за пределы этого здания, я становлюсь никем. Я просто прекращаю существовать, как личность. Если меня схватят, то при мне не обнаружат ничего, что могло бы привести их в мою небольшую квартирку, которая служит укрытием.

Это было похоже на своего рода логическую задачу — если дерево упадет в лесу, то станет ли известно об этом нам? Так и тут. Если незаметная девушка все еще продолжает существовать, значит ли это, что она все еще жива? Это в своем роде ребус для охотников,

что охотятся за мной, чтобы они никогда не расслаблялись.

Я достаю свои ключи, которые спрятала до этого за бойлером с горячей водой, и иду к себе. Я — никто, невидимка. Я — призрак. Моя почта и все остальные данные, мое местоположение — ничего этого нет. Ноль — вот мое местоположение на карте мировых координат. Мне нравится быть никем, меня это совершенно не тревожит, потому что когда я возвращаюсь к себе в маленькую квартирку, то чувствую себя в безопасности.

Быть невидимкой, быть никем — это так правильно и хорошо для меня.

Естественно я не могу быть в полной безопасности, никто не застрахован от всякого рода случайностей. Никто не может быть в безопасности на все сто процентов, потому что в этом мире давно все смешалось: враги и друзья, монстры и святые, близкие и чужие. Нельзя предсказать момент, когда тот или иной человек станет на сторону темноты и всадит нож тебе в спину. Но сейчас, мне как никогда в жизни нужна иллюзия общения, близости, теплоты. Я полагаю, сказывается долгое пребывание в одиночестве вдали от друзей, родных и тех людей, что привычно окружали меня. Подсознательно я хотела, желала, стремилась, чтобы меня узнали, сломали стены и дали мне общение.

Квартирка, в которой я проживаю, не представляет собой ничего особенного, но она аккуратная, чистая и там нет тараканов, что уже явный плюс. Я присматривалась к ней на протяжении некоторого времени, пока не решилась снять ее и оплатить арендную плату за год. Одна мысль о тараканах заставляет меня скривиться от отвращения, потому что это даже противней, чем идти босиком по грязной улице.

Но мне нужно думать, что делать дальше, так как мне остался всего месяц проживания в этой квартире. И у меня есть еще одна проблема, которая немного омрачает и сковывает мои действия — у меня заканчиваются денежные средства. Может, эта квартирка и крохотная, и у нее нет вида на океан, и находится она далеко от места, где я выросла, но она была недалеко от главного полицейского участка, от главной дороги и всего в пяти минутах ходьбы от моего любимого пляжа и обходилась мне всего в сто восемнадцать долларов в месяц. Но единственный возможный способ остаться здесь — это ограбить банк, только так я смогу заплатить за аренду квартиры.

Но знаете, у меня не такое уж и отчаянное положение. По крайней мере, пока.

Мой телефон вибрирует на столе, заставляя меня подскочить от страха, сердце бьется в груди с неудержимой скоростью. Что за на хрен? Я подхожу к столу, беру его в руки, и в этот самый момент звонок прекращается. Это словно некий знак, который несет в себе скрытую информацию: «Я знаю, где ты живешь. Я настигну тебя. Ты в ловушке. Готовься склонить голову».

Что за бред? Я жила тут на протяжении одиннадцати месяцев и все было в полном порядке...Мое сердце стучит в груди так сильно, что я готова рухнуть на пол. Я кое-как дохожу до стула и опускаюсь на него, захватываю маленький глоток воздуха, как рыба, выброшенная на сушу, но это не помогает — страх все равно берет надо мной верх. Я склоняюсь и роняю голову на ладони. И в момент полного отчаяния телефон оживает снова.

Нет. Нет. Нет. Как такое вообще могло случиться?

Но в данный момент, я не могу мыслить логически. Единственное, что могу слышать — это отрывистые удары своего сердца, которое перекачивает кровь, наполненную адреналином.

Тем временем телефон звонит снова и снова. Я буквально скована чувством страха. Я чувствую каждой клеточкой моего тела, что мне не жить. Вот и настал мой час. В этот

момент телефон начинает неистово вибрировать вновь, прерывая момент самобичевания. Сейчас у меня в голове кружится множество мыслей, но, ни одна из них не дает мне покоя, ведь Красавчик, определенно, является киллером, но по какой-то причине он отпустил меня. А сейчас... звонки... почему? Как так?

Я раскачиваюсь вперед-назад, одержимая миллионами вариантов расправы со мной.
Я беззвучно рыдаю.

Они все-таки нашли меня, у них получилось. Моя жизнь окончена.

Из последних сил я принуждаю себя подняться и заплетающимися ногами направляюсь в ванную, где держу таблетки. Я не использовала их на протяжении долгих месяцев. Сейчас эти таблетки словно зывают ко мне. Они просят принять их и погрузиться в царство спокойствия. Я достаю пузырек с таблетками, он трясется в моей руке, но я все-таки откручиваю крышку и начинаю высыпать их на ладонь. Я глотаю пригоршню таблеток, наклоняюсь к крану, делая пару глотков, чтобы суметь их проглотить.

Мой телефон продолжает издавать жужжащий звук на столе, чувство того, что таблетки уже в моем желудке немного успокаивает меня, хотя они еще не начали действовать. Я делаю пару глубоких вдохов, чтобы немного заставить себя расслабиться.

Мысли о спасительном сне одолевают меня, поэтому я потихоньку направляюсь в гостиную, где располагается моя кровать, там же стоит стул и кофейный столик. Я хватаю телефон, когда прохожу мимо стола и подхожу к кровати, на которой беспорядочно разбросаны вещи. Я опускаюсь на нее, слегка перекатываясь, чтобы изловчиться и забраться под одеяло, затем прикрываю глаза и буквально проваливаюсь в поглощающую меня спасительную тьму.

Телефон опять оживает, но я уже спокойна, таблетки начинают действовать.

Я нажимаю «ответить».

— Я готова, придурки, — издаю я рык в телефонную трубку. — Приходите и забирайте меня, я ваша.

— Что?

Я резко сажусь кровати, когда на том конце раздается голос Красавчика с пляжа.

— Как... как ты достал этот номер, мать твою?

Он игнорирует мой вопрос, говоря:

— Я единственный, кто придет за тобой, Харпер.

Я быстро нажимаю «отбой» и начинаю просматривать пропущенные звонки. Все от него! Ну, что за мудак! Все звонки были от него. Я быстро захожу в папку «входящие сообщения» и начинаю просматривать их:

УЖИН В ВОСЕМЬ.

ПРЕДПОЧИТАЕШЬ ТАКО НА ПЛЯЖЕ ИЛИ РЕСТОРАН С ШИКАРНЫМ ВИДОМ?

ХАРПЕР, Я УЖЕ ГОВОРИЛ, ЧТО НЕ НАВИЖУ, КОГДА ЛЮДИ НЕ ОТВЕЧАЮТ НА МОИ ВОПРОСЫ.

Я СЕЙЧАС ЗАЙДУ, Я НАХОЖУСЬ НЕДАЛЕКО ОТ ТВОЕЙ УЛИЦЫ.

Сообщения были отправлены минут пять назад, как раз перед шквалом звонков.

Мой телефон звонит снова, и на этот раз я отвечаю:

— Мне кажется, я задал тебе вопрос, и я жду на него ответа, — сердито говорит он в

трубку. Я рассеянно отмечаю отдаленный шум машин, голоса людей, звук полицейских сирен, которые всегда слышны мне. Он уже близко, скорее всего, он уже перед воротами.

Он один из них? Я не уверена, но точно знаю, что он киллер, потому что прыгнуть с пирса за мной, — это решение не для слабонервного мудака.

— Я смущена и растеряна, — признаюсь я, и в этот момент чувствую, как успокоительное полностью поработало мой разум, проникая в кровь, поэтому слова выходят слегка неясными. Я больше не могу контролировать свое тело, оно падает обратно на кровать. Голова кружится, и веки тяжело закрываются. — Я так растеряна...

— Харпер? — раздается голос Красавчика в телефоне, который сейчас валяется на кровати. Я тянусь к телефону, мои пальцы еле нащупывают его, затем я с большим усилием поднимаю его и непонятливо смотрю на кнопки. Усилием воли, я подношу телефон к уху.

— Проваливай, Красавчик, — говорю я еле слышным голосом, — ты не сможешь меня найти, не сможешь увидеть меня, потому что я незаметна. Я — никто. Поверь, ты не захочешь знать меня. Я уже знаю кто ты, тебе не достать меня.

Джеймс

Ее слова заставляют меня остановиться. Я только что вошел в небольшой жилой комплекс, где она живет, и ее слова буквально сбивают меня с ног, заставляя ошеломленно замереть на месте. Красавчик? А затем звонок прекращается, я растеряно смотрю на телефон, слушая короткие гудки, которые доносятся из трубки. И тут до меня доходит: она все-таки приняла эти таблетки. Ее слова звучали невнятно, язык заплетался. Я чувствую страх за нее. Она все-таки решилась принять эти таблетки — я напугал ее.

Я быстро достаю ключи от ее квартиры и открываю дверь. Внутри стоит оглушительная тишина, за исключением тихого жужжания кондиционера, я закрываю за собой дверь и направляюсь к ее кровати. Я вижу, что она свернулась в клубок, подтянув ноги к груди, крепко обхватив подушку руками, словно защищаясь с помощью нее от всего, что ее окружает. Я улыбаюсь уголками губ. Понимая, что большее количество ночей она именно так и спит. Но сейчас не ночь, и она определенно не спит. Она просто-напросто без сознания.

Я быстро направляюсь в ванную и беру пузырек с таблетками, высыпая их на ладонь и тщательно пересчитывая оставшиеся. Пропало семь таблеток. Получается, четырнадцать миллиграмм препарата сейчас циркулирует в ее крови. Это меня не радует, но знаете, могло быть и хуже. Этими таблетками не так просто отравиться. Я просто прекрасно разбираюсь в этом дерьме, так как фармакология моя специальность. По большому счету именно это и является моей визитной карточкой, когда дело касается работы. В своей работе убийцы, я всегда делаю ставку на яд, и именно это говорит моим заказчикам, кто исполнял заказ. Успокоительные препараты не настолько хороши, чтобы убивать людей, она не умрет, просто в течение некоторого времени пробудет в отключке.

Я откидываю одеяло, и она издает хриплый стон. Ее одежда насквозь промокла, она пахнет морем и тонкими нотками соли, на ее голове виднеется засохшая кровь.

— Харпер? — я сажаю ее и заключаю ее лицо в свои ладони. — Харпер?

Ее глаза немного закатываются, и она что-то неразборчиво говорит.

Я укладываю ее, затем тянусь к ее шортам и расстегиваю на них молнию. Влажный материал прилип к ее коже, поэтому мне приходится приложить немного усилий, чтобы стянуть их по ее округлым пышным бедрам. Ее трусики стягиваются вместе с шортами. Они черного цвета, как и ее спортивный бюстгальтер, только на долю секунды я представляю ее в красивом белье.

Мой член мгновенно становится твердым.

Ее киска покрыта светлыми волосками. Они аккуратно подстрижены в виде тонкой короткой полосочки, что смотрится просто потрясающе. Это заставляет мое сердце замереть. Боже. Я желал эту девушку на протяжении долгих месяцев, долгих лет. Я так часто представлял ее распятой и связанной на моей кровати, сейчас это все кажется ожившей мечтой. Я быстро стягиваю ее шорты и трусики по ногам и затем вновь сажаю ее.

— Не двигайся, — шепчу я ей, когда она издает еще один кроткий стон. Я стягиваю ее спортивный бюстгальтер и бросаю его на пол. Любуюсь ею на протяжении пары минут, потом аккуратно беру ее на руки и прижимаю крепко к себе, в ту же минуту ее руки

обхватывают меня за шею и она сама непроизвольно прижимается ко мне, откидывая голову мне на плечо.

Бл*дь. Как же сильно я ее хочу.

И в этот момент, я отчетливо понимаю, что она моя. Я ощущаю это каждой клеточкой своего тела. Подавляющее желание переполняет меня, когда я ощущаю непреодолимое стремление прикоснуться к ее загорелому телу. Я так сильно желаю толкнуть ее и прижать к стене, чтобы взять сзади. Я схожу с ума от мыслей о том, как я буду проникать твердым членом между ее губ, как я скользну в ее тугую, пульсирующую от желания киску и как буду трахать пальцами ее потрясающую задницу.

Я мечтал об этом долгие годы, и теперь меня ничто не остановит.

Харпер

О боже. Головная боль просто невыносима. Я переворачиваюсь в кровати и глубоко вдыхаю запах... Стоп, что это еще за запах?

Мои простыни приятно пахнут. Я чувствую запах летнего луга. Аромат свежести. Я схожу с ума?

Я втягиваю приятный запах, внезапно вспоминая, почему я отключилась, и резко сажусь, мое сердце начинает неистово биться. Моя одежда не пахнет океаном и не источает отвратительный запах соли, хотя я прыгнула с пирса в воду. Также моя кровать не покрыта крупинками песка. Я несмело начинаю осматриваться, пытаюсь понять, что именно происходит.

Или же произошло, пока я спала. Что-то не так. Никогда в своей жизни я не испытывала подобных ощущений, непонятные чувства заполняют меня, они парализуют. Меня охватывает ощущение, словно мой разум, никак не может решить, как моему телу надо на это реагировать.

Мое сознание затуманено, мысли спутаны, словно красноватая дымка заполняет мой разум после приема «Ативана» (прим. пер — торговое название лоразепама, оказывает седативное, снотворное, миорелаксирующее, противосудорожное действие). Я перевожу взгляд на ночной столик и пытаюсь найти пузырек с таблетками. Сколько я приняла в том состоянии? Три? Четыре? А может, пять? Неужели больше?

Это много после долгих месяцев воздержания. Этого вполне достаточно, чтобы смешать все события, разбередить все раны, что не давали мне покоя во сне, давя на меня неподъемным грузом кошмаров. Но я приняла их только одной причине — я была жутко напугана. Я думала... Я никогда еще не испытывала такого напряжения. Я боялась, потому что он выглядел, как смертельная красота — привлекателен, но такой красотой пользуются, чтобы нанести быстрый и неминуемый удар, чтобы обездвижить, чтобы жертва испытала непонятное ощущение — замерла... и в этот момент, красота настигает и убивает. Быстро и неминуемо.

О чем, черт возьми, я думала?

Я пытаюсь воспроизвести события с самого начала. Пирс. Вот я сижу. Красавчик. Я прыгнула с пирса. Сильно ударилась головой о бетонный столб пирса... я поднимаю руку и провожу кончиками пальцев по левому виску, именно оттуда боль, словно радиоактивной волной распространяется по всему телу. Но на виске нет крови, там только свежие стежки... Что?! Стежки! Откуда им взяться? Я опять провожу пальцами по тонкой полоске раны, что так аккуратно стянута частыми стежками, и пульсирующая боль железным кольцом сжимает мою голову, а в кожу, будто впиваются миллионы острых иголок, нежную кожу саднит под моим прикосновением.

Кто-то обработал и зашил мою рану на голове.

Я убираю руку, безвольно опуская ее на кровать.

Красавчик спас меня. Красавчик обработал и зашил мою рану, он позаботился обо мне. Черт. Я закрываю глаза и почти ощущаю, как его грубые ладони слегка касаются моей кожи, они запускают потаенные пульсации тревоги внутри меня. Он именно тот, кто я думаю.

Он... Он... Моя смерть?

Нет, нет, нет! Внутренне кричу я, содрогаясь от своего собственного крика. О боже мой! Это все не то, чем может казаться, Харпер! Нет, не смей позволять ему манипулировать собой. Не смей. Он же работает на них, он твоя смерть! Потому что по-другому он никак бы не узнал моего номера. И какого черта он следит за мной? Я стала почти невидимкой, но он разбил мой план, а вскоре уничтожит и меня. Все омрачает то, что он мне кажется знакомым, но я не помню, откуда именно знаю его. Я не могу трезво оценить уровень опасности, потому что... потому что... признай это, Харпер... потому что он нравится тебе.

Я заглушаю внутренний голос, потому что я просто не могу переносить его сейчас. Я как всегда права. Но если не заглушить его, то я не смогу отреагировать. Нужно что-то делать. Если когда-нибудь должен был настать момент положиться на свои инстинкты, довериться внутреннему голосу, то, определенно, время пришло.

Мне нужно все разложить по полочкам. Все просто: парень напал на меня, поцеловал меня, он пытался подвести к тому, чтобы мы занялись сексом. Он работает на них. Теперь я точно уверена в этом. Я еще толком не смогла разобраться, что за игру он ведет, но уже встречалась с парочкой охотников, и он был, определенно, одним из них. Дерзкий, харизматичный и неизмеримо спокойный. Словно все время мира было в его руках, словно он имел возможность дергать за ниточки судеб, меняя ход настоящего. И да, он был ужасно уверенным в себе.

Все это он. Разве нет?

Но вот вопрос... Почему же он не убил меня? Или почему не попытался меня увезти, вернуть обратно, потому что я бы не смогла ему противостоять, он из лиги более сильных, лучших.

Я вырываюсь из своих мыслей и пытаюсь взглядом найти телефон, он лежит рядом с пузырьком таблеток. Я тянусь и быстро хватаю его, чтобы прочесть сообщения. Но... их нет. Они стерты. Папка входящих сообщений пуста. Все так, как и должно быть. Все движется по привычному сценарию. Мне никто не писал.

Но... он писал мне! Он спрашивал меня, черт! Сообщения были! Я не могу вспомнить, с чем они были, но я помню их. Я строю цепочку произошедшего: я прыгнула с пирса, он спас меня, затем он говорил мне что-то, я направилась домой, когда вошла в квартиру, я запаниковала, страх возобладал надо мной, и я приняла гребаные таблетки, я почти вырубилась, когда читала его сообщения.

Стоп. Но... Я вновь опускаю взгляд и смотрю на свою одежду. Я одета в розовую тонкую маечку и белые трусики-шортики. Я нюхаю мою кожу. На ней не осталось ни следа терпкого запаха океана.

Внутренний голосок продолжает насмехаться надо мной: «А заодно и сменила простыни?»

Простыни чистые и свежие, нет ни следа от песка. Даже между моими пальцами нет песка. И если бы я принимала душ сама, то те вещи, которые я сняла, валялись бы небрежно на полу, как я иногда делаю, когда очень устаю. Но их там нет! Их нет!

Я сижу еще пару минут, затем смеюсь над собой, потому что у меня явно мания преследования. Я поднимаюсь с кровати, направляясь на кухню со словами:

— Скорее всего, я перебрала с «Ативаном». У меня была легкая передозировка. Харпер под кайфом просто больная чокнутая девчонка с манией преследования.

Или...

Мои глаза распахиваются от этой мысли. Красавчик приходил ко мне, вымыл меня, зашил мою рану, переделал и засунул в стирку мое белье. Я начинаю хихикать от этой мысли Или...

Господи, как же я ненавижу непрерывный внутренний голос, который звучит в моем сознании. Почему он просто не может заткнуться?

Может, это все игра моего воображения? Может, я просто придумала себе все? Возможно, не было никакого красивого парня на пирсе? Возможно, что я приняла таблетки и все, что сейчас беспокоит меня, это все последствие седативного препарата?

Мне просто необходимо выбраться из квартиры, пространство четырех стен давит на меня. Как долго человек может наслаждаться одиночеством и беседовать с самим собой, пока не настанет предел его возможностей и это не перейдет в патологию? У меня не было ответа на этот вопрос, но я и не собираюсь выяснять это. Может, тот парень, про которого я вспоминаю, всего лишь приснился мне, какая на хрен разница? Мне нужно срочно выбраться из дома. Я быстро смотрю на часы, чтобы понять, сколько времени я была в отключке. На часах 7:30. Затем я слышу голодное урчание желудка, и у меня появляется ощущение, что я не ела на протяжении нескольких дней.

Я достаю из гардероба обрезанные шорты, надеваю чистый бюстгальтер и быстро натягиваю белую футболку. Волосы собираю в высокий хвост.

Надеваю на ноги шлепки, хватаю ключи и выхожу.

Я захожу в подсобное помещение и прячу ключи в привычное место за бойлером, беру немного наличных, чтобы хватило на еду. У меня есть отложенные восемьсот баксов. Когда я достаю десятидолларовую бумажку, мой желудок буквально скручивает от боли.

Я поспешно направляюсь к выходу, мне нравится, что в доме живут всего четыре человека, поэтому шанс столкнуться с ними равен нулю. И это мне подходит, потому как сейчас для меня все враги. Но, тем не менее, я уважаю людей за их способности делать что-либо, как, например, парня в мексиканском ресторанчике, который делает отличные тако. Я даю деньги — он мне еду, это мне подходит.

Но мне не нужен весь этот бред, типа, более личного отношения, я не желаю знать его имя, и ему не нужно знать мое.

Я не желаю ни с кем иметь ничего общего. Мне нравится находиться в своем отстраненном и мрачном укрытии холода и неопределенности. Я ни разу не попыталась начать разговор с соседями. Я бдительно слежу за ними, что они делают, как они себя ведут, пытаюсь подмечать отклонения от привычного течения вещей. Изменения — это всегда плохо. Мне нравится, когда все постоянно и неизменно. Это хорошо. Это подходит мне.

Кроме красиво парня на пляже. Он внес сумятицу в мои чувства.

Так, мне пора успокоиться и зарубить себе на носу, что не было никакого парня, это лишь игра моего воображения. Конечно, стал бы кто-то прыгать с пирса. Бред. Это же глупо. А если серьезно, я не допускаю ни единой мысли о том, что он настоящий, потому что я сказала ему свое настоящее имя.

Я направляюсь к воротам, открываю их и присоединяюсь к жизни, что кипит на улицах города.

В ресторанчике полно народу, поэтому я беру меню и встаю в очередь, делая вид, что внимательно изучаю его. Но когда подходит моя очередь, я беру то, что постоянно заказываю: тако-асада, рис и холодный фруктовый чай. Спустя пятнадцать минут, я получаю свой пакет наполненный едой, салфетки и пластиковую вилку. Столики, стоящие снаружи

ресторанчика, забиты шумными компаниями, что болтают без умолку и звучно смеются. Я прохожу мимо, направляясь на пляж, мне нравится перекусывать, сидя на ступеньках «Pier Plaza». Отсюда открывается отличный вид, я прихожу сюда каждое утро для того, чтобы насладиться рассветом с пирса и каждый вечер, чтобы посмотреть на красивый, насыщенный красками, закат. Отсюда я всегда наблюдаю за волейболистами и гладью океана, что иногда хорошо отвлекает меня от груза настоящего.

В моей жизни на данный момент есть две радости, которые позволяют мне не упасть духом: наблюдать закат со ступенек и наслаждаться яркими красками рассвета с пирса.

Я разворачиваю еду. Когда начинаю есть, то чувствую, будто не ела очень давно, не могу остановиться. Странное чувство.

И как только я отправляю в рот последнюю порцию риса, мой телефон оживает, издавая пронзительную вибрацию.

Мое сердце неистово ударяется о грудную клетку, в то время как огромная волна страха захватывает меня, я тянусь к телефону. Экран светится, оповещая о новом сообщении.

Тако на пляже. Предпочтения ясны.

Я подскакиваю и начинаю озираться по сторонам, выискивая его взглядом в толпе. Телефон опять издает призывную вибрацию. Я не обращаю внимания на нее, быстро встаю на невысокое ограждение и продолжаю искать глазами этого загадочного парня.

И тут меня настигает вся абсурдность происходящего. Какого хрена я делаю? Как я его узнаю, если не помню его телосложение, его походку, даже не помню его рост. В моем сознании только его сияющие зеленые глаза, ощущение от прикосновения его языка, его теплых бархатных губ. Но ведь ничего из этого не поможет узнать человека на расстоянии.

Телефон вновь оживает, призывая меня все же проверить сообщения.

Запомни, ты увидишь меня лишь тогда, когда я этого захочу.

Я быстро отвечаю.

Но ты же можешь наблюдать за мной, когда тебе захочется?

Просто я хотел тебе сказать это: я всегда получаю, что хочу. Кстати, я люблю шорты, Харп.

Я вскидываю руку и прижимаю ее к моей груди, словно в попытке защитить уязвимое сердце. Боль захлестывает меня, когда я думаю, о том, как он назвал меня. Харп. Как он смеет врываться в мою жизнь и притворяться, что знает меня. Как он смеет разрушать мою идеальную будничную жизнь, как он смеет вырывать меня из объятий комфорта, в которые я себя погрузила.

Я хватаю пакет с остатками еды, поднимаюсь и ухожу быстрым шагом, попутно выбрасывая мусор. Я быстро двигаюсь по заполненной людьми улице, чувствуя себя лягушонком, которого выбросили на оживленную трассу, где пролетают машины каждые две секунды (прим. пер. — речь идет об аркаде-головоломке от компании Konami, где герой игры маленький лягушонок).

Теперь до тебя дошло, Харпер, почему тебе лучше сторониться всех, лучше сидеть в

квартире и не выходить на улицу.

Я практически вбегаю на территорию, где располагается жилой комплекс, быстро нахожу ключ, открываю квартиру и забегаю внутрь, плотно закрывая за собой дверь, дополнительно замыкая ее на внутренний замок. Затем прислоняюсь к ней спиной и медленно сползаю на пол. Это все убивает меня.

Парень полный псих. Он преследует меня. Наблюдает, следит за мной, за тем, что я одеваю, что я ем. Вновь раздается назойливая вибрация телефона.

Нет, нужно что-то делать и немедленно. Может, обратиться в полицию? Потому что все, что происходит сейчас, не сулит ничего хорошего. Электрический ток пробегает по позвоночнику, не позволяя мне расслабиться, страх пожирает меня. А что, если он не один из них? Что, если он просто ненормальный насильник, который выбрал своей жертвой меня?

Телефон, не унимаясь, вибрирует.

Я достаю его и открываю входящие сообщения.

Какой сегодня день, Харпер?

Что?! Ненормальный.

Ты хоть знаешь, какой сегодня день? Ответь.

Я раздраженно фыркаю, быстро набирая ответ.

Среда.

Тебе лучше проверить календарь, Харпер.

Почему в этот раз он не использует мое сокращенное имя? Почему? Он понял по моей реакции, что мне неприятно?

День, Харпер. Посмотри, какой день. Я ненавижу все спрашивать по два раза.

Я быстро проверяю дату на телефоне, но это не дает никакого результата. Я не отслеживаю даты. Поэтому я захожу в приложение «Календарь» на моем телефоне и практически подскакиваю на месте.

Пятница.

Ну, это хотя бы объясняет большую очередь у мексиканского ресторанчика. И мой жуткий голод. Я спала три дня.

Я жду.

Ох, ты можешь ждать все, что тебе хочется, придурок, это не значит, что ты это получишь. Он играет со мной в игры разума, но я не буду участвовать в этом.

Ты помнишь, как я искупал тебя, после того, как ты приняла те таблетки?

Я не могу вспомнить вообще ничего, но это последствия, которые случаются после легкой передозировки «Ативаном». Кто-то зашил мою рану, искупал меня, переодел и уложил в кровать, а я ничего не помню. Мой разум бьется в агонии от происходящего.

Я получил удовольствие от каждой гребаной минуты. Каждой секунды.

Слезы влажными дорожками текут по моим щекам, когда я осознаю смысл сказанного им. Я быстро набираю ответ, сквозь непрекращающиеся всхлипы:

Я заявлю на тебя в полицию за изнасилование, придурок!

Джеймс

Изнасилование? Она в своем уме!

Она издевается надо мной. Ее слова заставляют меня смеяться, нет, серьезно. И это говорит девчонка после всего, что произошло. Она что, и правда думает, что я насильник?

Я нахожусь на расстоянии примерно двух метров от главного входа в ее жилой комплекс, но я поворачиваю и выхожу в переулок, чтобы немного привести мысли в порядок.

Насильник. Это жуткое слово раздается в моем сознании снова и снова, и единственное объяснение, которое так и напрашивается...

Она не имеет понятия кто я. Она не помнит меня. Она просто забыла, кто я такой.

Я напряженно провожу ладонью по волосам, слегка взъерошивая их. Она буквально сводит меня с ума. На протяжении всех этих месяцев, что я наблюдал за ней, все сдерживаемое желание и вожделение затуманивает мой рассудок.

Если она не знает кто я, тогда...

Харпер

Громкий стук в дверь заставляет меня подскочить с пола.

— Харпер? — голос Красавчика мягко доносится из-за двери. — Открой, Харп? Ты слышишь меня, открой!

— Не смей называть меня так, — раздраженно кричу я в ответ. — У тебя нет никакого гребаного права называть меня так.

— Открой чертову дверь, или я, клянусь господом Богом, на хрен выбью ее, и тебе не помогут замки, на которые ты закрылась от меня.

— Я вызываю копов, пошел к черту отсюда. Не смей приходить ко мне. Кто ты такой? Не смей больше следить за мной.

— Нет, ты не вызовешь копов. Ты в бегах. И не нужно быть таким наблюдательным, как я, чтобы понять это. Открой. Гребаную. Дверь. Или я просто сорву ее с петель. Мне нужно поговорить с тобой и прямо сейчас.

Я умолкаю, судорожно размышляя, что мне делать дальше. По-видимому, просто так он отсюда не уберется.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он со всей силы ударяет по хлипкой двери, и дерево вокруг замка моментально начинает разрушаться, издавая протяжный скрип.

— Прекрати!

— Сейчас же открой! — раздается его властная команда из-за двери.

Я поднимаюсь и открываю засов, затем проворачиваю ключ в замке. Как только раздается щелчок, дверь со стуком распахивается, и он в то же мгновение оказывается передо мной, тяжело дыша, его грудь вздымается и опадает, как и в тот день под пирсом, когда он вытащил меня на берег. Только теперь он выглядит раздраженным.

И это меня ужасно пугает. Я делаю шаг назад и, защищаясь, выставляю руки перед собой. Он шагает вперед, захлопывая дверь ногой, прижимая тем самым меня к стене.

— Ты что, правда, думаешь, что я изнасиловал тебя? — его глаза светятся гневом, когда он впивается в меня взглядом. — Отвечай мне, я тебе сказал! Ты что, правда, думаешь, что я трахнул тебя, когда ты была без сознания?

Я слегка подпрыгиваю от его крика, мое самообладание ускользает, и слезы начинают катиться по щекам. Я быстро прикрываю лицо руками.

— Убирайся! Просто оставь меня одну! Не смей подходить ко мне!

Он захватывает мои запястья и с силой опускает руки вниз, затем заключает мое лицо в свои теплые ладони, придвигаясь еще ближе ко мне. Он уже был так близко ко мне, в тот день под пирсом. Я вздрагиваю всем телом.

— Ты что думаешь, я посмел бы изнасиловать тебя, Харп?

— Пожалуйста, не называй меня так, пожалуйста, не называй, не называй меня так.

Он протяжно выдыхает и убирает свои руки от моего лица, резко разворачиваясь всем телом. Я закрываю лицо ладонями, слегка раздвигая пальцы в стороны, как в детстве, чтобы наблюдать за тем, что он делает. Я вижу его внутреннюю борьбу, смотрю, как он проводит рукой по своим волнистым волосам. Он одет в светло-голубую футболку, которая словно

вторая кожа обтягивает его мускулистые руки и крепкие мышцы спины, и потертые джинсы, на которых есть небольшая дырка. Они протерты до такой степени, что через прорехи виднеются его боксеры. На ногах у него простые кеды, которые выглядят такими же потрепанными, как и джинсы.

Я абсолютно четко понимаю, что он очень опасен, потому что его одежда смотрится так, как будто он пытается затеряться в толпе, выдавая себя за бездомного. Я испытываю непреодолимое желание рассмеяться над тем, что на его джинсах дырка, но сдерживаюсь.

Он резко разворачивается, смотря на меня своими потрясающими глазами.

— Смешно? — спрашивает он, и его брови вопросительно приподнимаются. — Это все кажется тебе забавным? — он издает грубый смешок, но я вижу, что он не считает это веселым. — У тебя странное чувство юмора, Харп... пер. — Он добавляет последний слог чуть позже, вероятнее всего желая посмотреть, как я отреагирую в этот раз.

Я опускаю руки и прижимаюсь спиной к стене, когда он снова подходит ко мне. На этот раз он не делает никаких попыток прикоснуться ко мне, он просто располагает ладони по обе стороны от моей головы.

Я втягиваю воздух и пытаюсь смотреть куда угодно только не на него, я всеми силами стараюсь избегать его взгляда.

— Теперь, когда ты немного пришла в себя и успокоилась, ты что, правда, считаешь, что я вошел, нашел тебя накачанную успокоительным и пребывающую без сознания, уязвимую, с разбитой головой и изнасиловал? — он легко проводит пальцами по моему шву, и я отдергиваю голову. — Я позаботился о тебе, — говорит он почти шепотом. — Я вымыл тебя. Зашил твою рану. Я переделал тебя в чистые и самые красивые вещи, какие только смог отыскать в твоём скудном гардеробе.

Я тяжело сглатываю, мысленно рисуя эту картину у себя в голове. Его ладони на моем теле. Он смотрит на меня обнаженную. Его руки ласкают мое тело, каждый его уголок, пока он моет меня. Затем он переодевает меня.

— А затем я укутал тебя в одеяло и спал рядом с тобой на протяжении сорока восьми часов, пока ты находилась в полной отключке из-за идиотской передозировки бензодиазепамом.

— Это не была передозировка, я просто не принимала его уже какое-то время, поэтому так и случилось.

Он прикладывает палец к моим губам, не позволяя мне больше произнести ни слова:

— Шшш! Это была вторая самая глупая вещь, которую ты сделала в тот день. Ты напугала меня до чертиков, — настаивает он. — Так ты правда считаешь, что после всего, что я сделал, я положил тебя на кровать и изнасиловал, как животное? Я никогда не беру женщин силой, они по своей воле раздвигают передо мной ноги и стягивают свои крошечные трусики.

Я отвожу взгляд в сторону, смущенная и сбита с толку.

— Твою киску саднит? А может, тянет от боли?

Его грубые слова опять провоцируют меня обратить на него свое внимание.

— Ну? Я жду ответа.

Я отрицательно качаю головой.

— Ну, тогда, ты можешь быть уверена, Харпер, в том, что я тебя, определенно, не трахал. Потому что, если бы я прикоснулся к тебе, если бы мой член побывал в твоей киске, ты бы это точно почувствовала, потому что я, запомни это, никогда не делаю ничего наспех.

И запомни еще кое-что, если бы я трахнул тебя, ты не смогла бы думать ни о чем другом, кроме как о том, когда я вернусь и сделаю это еще раз.

О, боже. От его слов мое лоно сжимается в нетерпении. Я поворачиваю голову в сторону, чтобы хоть немного спрятать предательский румянец, что вспыхивает на моих щеках, но он, как назло, приподнимает пальцем мой подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом. Все мое тело напрягается, и я пытаюсь уклониться от его прикосновений.

— Посмотри на меня. — Я поднимаю глаза и стараюсь сдержать прерывистое дыхание от недавнего крика. Он пристально смотрит на меня и затем приближает свое лицо к моему. На этот раз все происходит неспешно, безумие, которое одолевает нас, нарастает постепенно, все не так скоротечно, как тогда под пирсом. Его глаза пристально смотрят в мои, затем он слегка прикасается своими губами к моим, оставляя на них еле ощутимый поцелуй с привкусом океана и темного желания, и в то же мгновение отстраняется, до того, как я могу хоть как-то отреагировать на его действия. — Ты думала про наш поцелуй под пирсом?

Мое лицо заливают краска стыда, и я пытаюсь отвести от него взгляд, но его ловкие пальцы вновь захватывают мой подбородок, принуждая меня посмотреть ему прямо в глаза.

— Ответь мне, Харпер. Не стоит прятаться от меня.

— Да.

— Тебе понравилось?

Я не могу ничего поделать и начинаю смеяться. Он улыбается в ответ и на его щеках появляются милые ямочки. Это буквально опускает меня на колени и обезоруживает.

— Был ли он пределом твоих мечтаний? Потому что я могу попытаться еще раз, я могу сделать все намного лучше, заставить тебя испытать более приятные ощущения.

Я опять краснею.

— Нет, все было лучше, чем даже в моих мечтах. Поцелуй был неплохим.

— Неплохим? Поцелуй, что касается твоих губ, должен быть намного лучше, чем просто «неплохим».

Я смотрю ему в глаза и на этот раз говорю ему правду.

— Он был... захватывающим и умопомрачительным. — На этот раз я получаю еще одну улыбку, и снова в придачу появляются ямочки. Когда я отвожу взгляд от его губ и смотрю в его глаза, я полностью очарована. Он... словно приворожил меня. — Но я бы хотела еще один, — еле слышно произношу я, не понимая, откуда взялось это глупое желание. Но как бы мне не было страшно и некомфортно от того, что я сказала, это правда. И я не собираюсь брать свои слова обратно.

Он склоняется к впадинке на моей шее, обдавая меня горячим дыханием, и прикусывает дразнящим движением мочку уха.

— Хотела бы?

На этот раз все, что я могу сделать, это просто кивнуть в ответ на его чувственную ласку. Моя способность говорить покидает меня. Мое тело застывает, но не от страха, а от ощущений, которых я еще не испытывала.

— Прямо сейчас? — шепчет он.

— Да, — выдыхаю я мягко.

— Ну, хорошо, — он добавляет своим обычным голосом, в тот момент, когда отстраняется от меня. — Мне кажется, что ты кое-что пропускаешь, разве ты не ходишь по вечерам на пляж? Может, мы могли бы продолжить там, — он издает смешок, — то, что

начали тут?

— Что? — говорю я ошарашено.

Он хватает меня за руку и ведет по направлению к двери, я только и успеваю наклониться и захватить свои ключи с пола, куда я уронила их, когда открывала ему замок, и засунуть их небрежным движением в карман. Я еще ни разу в жизни не покидала свою квартиру с посторонним человеком. Это полностью выбивает меня из колеи.

Он не отпускает мою руку, выводя меня через деревянные ворота, а затем легонько шлепает меня по заднице. Я прикрываю глаза и задыхаюсь от его действий, но не произношу ни слова протеста, поэтому секунду спустя все прекращается, и он убирает руку. Он продолжает держать мою руку, и меня накрывает теплое ощущение, как будто мы простые девушка и парень, которые стремятся быстрее убежать из дома, чтобы провести вдвоем вечер пятницы.

— Это странно, — произношу я недовольно себе под нос.

— Что именно тебе кажется странным? — спрашивает он у меня.

Я люблюсь им, пока мы продолжаем идти, внезапно он смотрит прямо мне в глаза и замечает, как я сосредоточенно разглядываю его. Я спешно отвожу глаза в сторону, но не могу заставить себя не смотреть на него, потому что горизонт разливается жидким пламенем оранжевого оттенка, от мягкого света заходящего солнца футболка на его теле резко контрастирует с золотистой кожей. Под гладкой кожей его бицепсов и спины перекачиваются мускулы. Его широкие плечи расслаблены.

Он поднимает наши ладони вверх.

— То, что мы держимся за руки, для тебя это странно?

— Да, но... — я замолкаю, потому что мы останавливаемся на светофоре. Мы ожидаем вместе с толпой, которая тоже направляется на пляж, чтобы посмотреть закат. — Мы идем на мою каждодневную встречу с солнцем?

Он смотрит на меня, и на его красивых губах появляется крошечная улыбочка.

— С солнцем? Я всегда полагал, что вечером больше сумрак и закат, чем солнце.

— Ты следил за мной.

Он легко кивает головой, когда толпа захватывает нас и уносит вперед.

Когда мы подходим к ступенькам «Pier Plaza», там уже заняты все места. Пятничные наблюдения за закатом очень популярны летом. На выходных я всегда прихожу сюда на час раньше.

— Похоже, мы немного припозднились, — говорит мой новый друг, хотя бы на сегодня. Он сворачивает вправо, продолжая тянуть меня вслед за собой. Затем он находит нам место рядом с опорами пирса. Он присаживается на песок, а я нерешительно смотрю на небольшое пространство между его ног, которое, по-видимому, он оставил для меня. Но затем он удивляет меня, похлопывая себя по колену, говоря:

— Садись, Харпер.

Он тянет меня за руку до тех пор, пока я не опускаюсь на его колено.

А был ли у меня вообще выбор?

Затем он оборачивает руку вокруг моей талии и прижимается спиной к бетонной опоре, мое тело сразу напрягается словно струна. Потому что в голове сразу возникают воспоминания о том дне, когда мы были у этих опор.

Он прижимается к моей шее и нежно обдает ее дыханием, шепча:

— Расслабься.

— Я не могу ничего с собой поделаться, — говорю я в ответ. — Я даже не знаю твое имя, а ты меня обнимаешь и ведешь себя так, как будто мы встречаемся.

— Все потом, Харпер. Сейчас я собираюсь насладиться видом, который разворачивается перед нами. Смотри, все начинается.

И я повинуюсь его словам. В его голосе есть что-то такое, что заставляет меня поддаться. Я не могу игнорировать приказ в его голосе. Часть меня — внутренняя независимая и сильная девушка — хочет выказать свое сопротивление.

Но я не буду делать этого. Причина проста: мне нравится подчиняться его воле. Это для меня нечто, что я так хорошо умею. Больше всего меня тревожит, но одновременно и радует то, что он ощущается давним другом, а не незнакомцем. Его прикосновения воспринимаются мною как нечто правильное и хорошее, что уже давно должно было произойти со мной. Я чувствую, как его властные приказы берут верх над моими страхами. В первый раз за год я чувствую себя в безопасности. А я прекрасно знаю, что безопасность — это подарок. Я прижимаюсь спиной к его твердой груди и чувствую биение сердца. Сначала своего, затем его. Сердца будто подстраиваются под ритм друг друга — звучат в унисон. Все вокруг нас шутят и смеются, дети плачут, парни на велосипедных дорожках столпились у стены и показывают практически акробатические трюки. Но мы с ним сохраняем наш спокойный мир, растворяясь в нашей неспешности и удовольствии.

Огненно-оранжевый шар вспыхивает пламенем, затем неспешно опускается за горизонт и все погружается во тьму. Следом за солнцем уплывают и заботы нашего дня, все успокаивается.

Люди смеются, дети бегают и хлопают в ладоши. Это повторяется изо дня в день. Некоторых из них, я даже узнаю, потому что часто вижу их, когда они наблюдают закаты.

Я наблюдаю за пожилой женщиной, которую я вижу здесь очень часто, она смотрит на меня с теплотой во взгляде, затем подмигивает мне и хитро улыбается. Она думает, что мы с этим красивым незнакомцем пара. Ну, а почему бы ей так не считать? Я сижу на его колене, его рука обнимает меня за талию, крепко прижимая к себе, и моя голова покоится на его груди. Даже наши сердца бьются в унисон.

Мы сидим так до того момента, пока все люди вокруг нас не уходят, и пляж не становится пустынным.

— Сейчас? — спрашиваю я.

— Ты хочешь узнать мое настоящее имя? А может, имя, которое ассоциируется со мной? Или мое поддельное имя?

— Я хочу знать все, — мямлю я, превозмогая сонливое состояние.

— Одно на сегодня. Просто выбери одно.

Внезапно меня пронзает ощущение плохого предчувствия.

— А имя, которое ассоциируется с тобой... это?

— Кодовое имя.

Ох. Ну, вот мы и пришли к тому с чего начали.

— Какое именно кодовое имя? — озвучиваю я вопрос, на который заранее знаю ответ, но я все же должна убедиться, что мои подозрения верны, поэтому терпеливо жду его ответа.

— Которое соответствует роду моих занятий. Своеобразная визитная карточка, которая говорит, что «работу» выполнил именно я.

— У меня тоже есть такое, — подтверждаю я, когда карты раскрыты.

Его грудь вибрирует от беззвучного смеха.

— Конечно, есть, я уверен в этом.

— Ты хотел бы узнать его?

— Сначала выбери мое.

— Настоящее имя.

— Джеймс Финичи,

— Джеймс, — проговариваю я медленно тихим шепотом. — Мне нравится, как звучит Джеймс.

— А мне, определенно, нравится Харпер, — говорит он, коварно ухмыляясь.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— А мне только восемнадцать.

— Я прекрасно знаю об этом, Харпер.

Он знает, почему это немного озадачивает меня. Хммм. Я смотрю на его красивое лицо и вижу, что на нем воцарилось немного мрачное выражение.

— Это беспокоит тебя? Может, смущает?

Я выдыхаю воздух со свистом.

— Меня это совершенно не беспокоит.

Кончиками пальцев он поворачивает мою голову, чтобы я могла встретиться с ним взглядом. Запутываясь рукой в моих распущенных волосах, он запрокидывает мою голову и затем обрушивается на мои губы страстным поцелуем. Его губы твердые и не менее требовательные, они решительно размыкают мои и завладевают ртом. И на этот раз я робко обвиваю его язык своим и на секунду теряюсь в его вкусе. Он слегка ударят своим языком по моему, и это чувствуется просто охренительно потрясающе, на секунду я даже теряю связь с реальностью. Затем до меня доносится звук рычания, который он издает, и я втайне наслаждаюсь им с игривой улыбкой на губах.

Он отстраняется, поднимаясь на ноги и удерживая меня на руках, затем бережно опускает на песок, помогая держать равновесие.

— Запомни, Харпер, меня также это совершенно не тревожит, но сейчас ты выглядишь усталой и измученной, поэтому я провожу тебя домой.

Он держит мою руку, когда мы идем рядом с оживленной дорогой. Остаток пути мы заканчиваем в полном молчании. Подойдя к деревянным воротам, мы останавливаемся, чтобы он мог совладать с веревочным механизмом. В следующую секунду, он резко оборачивается и огорошивает меня вопросом:

— Какое твое кодовое имя, Харпер?

Я смотрю в его глаза и вижу в них виноватое выражение.

Я сверлю его своим взглядом, ощущая себя некомфортно. *Это что, ловушка?*

— Ты хочешь это знать, потому что я являюсь твоей целью на уничтожение?

Это достаточно смелый вопрос, но справедливый. Мы прекрасно знаем кто мы, поэтому нечего ходить вокруг да около. И если он должен убить меня, то я хотела бы знать об этом. Даже несмотря на то, дрогнет ли рука, выполняя это задание, потому что нас безудержно влечет друг к другу.

— Ты не моя цель, понятно? — выдыхает он, но не смотрит мне в глаза.

— Тогда ты скажи первым.

Его губы растягиваются в мягкую улыбку, и он галантно придерживает дверь рукой, чтобы я могла пройти первой. Мы проходим по дорожке, которая ведет в дом, затем

спускаемся на нижний этаж. Я вытаскиваю ключи из-за бойлера и только хочу вставить ключ в замочную скважину, как он накрывает мою руку своей.

— Тет, — говорит просто. — Мое кодовое имя — Тет.

Я поднимаю глаза и смотрю на него, пытаюсь понять, о чем он думает в данный момент.

— Почему ты мне это говоришь, Джеймс?

— Имя. Теперь твоя очередь сказать мне свое. — Твердо говорит он, игнорируя мой вопрос.

В моем голосе проскальзывает боль, когда я прерывисто выдыхаю и говорю:

— Ты пришел за мной, не так ли?

Он качает головой.

— Нет, боже, нет. Я клянусь тебе, что я тут не для того, чтобы убить тебя. Но мне нужно знать твое кодовое имя. Говори его.

— Я больше не убийца. Я больше не делаю то, для чего меня готовили с малых лет. Я просто дочь, девушка, я никто, в конце концов.

— Скажи. Мне. Свое. Кодовое. Имя. — Проговаривает он каждое слово по отдельности в его голосе чувствуется прямолинейность и неприкрытая грубость. Я вижу по его взгляду, что ему ненавистно то, что ему приходится спрашивать, но он делает это. У него нет выбора.

Я тяжело сглатываю и склоняю голову.

— Приходи. Мое кодовое имя — Приходи.

Он издает пронзительный вздох облегчения. Затем следует смешок, и он говорит:

— Это очень грязное имя для такой молодой и милой девушки (прим. пер. — игра слов: come с англ. переводится как приходить, так и испытывать сексуальное удовольствие — кончать).

Я игнорирую его игру слов с сексуальным подтекстом.

— Я могла бы быть твоей целью. И это не может не расстраивать меня.

— Ты не моя цель, — говорит он настойчиво. — Ты не моя цель и в этом все дело.

— Но я ведь могу быть чьей-то целью?

Он уверенно забирает ключ из моей руки и хочет открыть дверь, но в этот раз я накрываю его ладонь своей, препятствуя ему.

— Какое твое назначение в организации? — в момент, когда эти слова срываются с моих губ, я пугаюсь. Я не могу поверить, что посмела спросить такое. Это тема под запретом. Мы оба могли быть убиты за эти пару слов. Но меня, как и его, одолевает желание узнать, кто же он. Мы стали кем-то большим друг для друга, поэтому это уже не обсуждается. Нам необходимо знать это. Потому что «Приходи» — это глагол. А кодовые имена, которые даются в виде глаголов означают, что мы — никто. Нас нет. Мы лишь сторонние наблюдатели. Но «Тет», я не уверена, что когда-либо слышала такое кодовое имя. Я не могу понять, к какому рангу он относится и какое место занимает? А я знаю их все.

Он шумно выдыхает, потупляя взгляд, я вижу, что он не хочет говорить. Он ведет борьбу с самим собой.

— Номер Шесть.

Я отскакиваю от него, не веря в реальность происходящего, хватаясь за голову и поспешно отворачиваясь. Но он ловко притягивает меня к себе, крепко обнимая меня за талию.

— Не отворачивайся, прошу тебя. Не нужно.

— Номер Шесть... — произношу я еще раз, не в силах постигнуть сказанное им. — Ты

— номер Шесть, — проговариваю я еще раз, будто пытаюсь свыкнуться с тем, что произошло. То, что он сказал мне сейчас, целиком и полностью меняет происходящее.

Организация, в которой состоит мой отец, подразумевает полную передачу контроля над своей жизнью в их руки, то же самое произошло и с его детьми — мы отдали ей свои жизни, нельзя так просто покинуть ее, вернее можно, отдав взамен свою жизнь. То же самое будет и с моими детьми, если, конечно, у меня будут таковые, если я доживу, потому что я совершила самый глупый поступок в своей жизни — сбежала. Сбежала от контроля отца, организации и всех заданий, убийств, крови. Но у каждого там есть свое кодовое имя и свое место. Членов этой организации по миру огромное множество, она как спрут с бесконечными щупальцами, захватила все. Большинство из них совершенно безвредны, они выполняют функцию наблюдателей. А есть те, которые лишь время от времени выполняют особые задания. Их кодовые имена представлены в виде глаголов, таких как мое. Приходи. Танцуй. Уезжай. Убегай. Количество их бесчисленно.

У тех, кто занимает более высокое положение, имена представлены в виде существительных. Таких сотни. Медведь. Стол. Коготь. Трава. Имена не имеют смысла, не пытайтесь анализировать их. Это нечто наподобие метки, ярлыка, чтобы как-то обозначить вашу принадлежность к этой организации.

У моего отца есть ранг, он получил этот статус. Его называют — Адмирал. Всего есть двенадцать человек, кому присуждается ранг.

Но только за десятью из них закреплены еще и номера.

И это профессиональные убийцы.

Джеймс

— Почему ты выглядишь таким знакомым? — напряженно любопытствует она. — Нет, постой, я неправильно выразилась. Почему, когда ты находишься рядом, я ощущаю тебя близким? Это потому что ты наблюдал за мной? — ее глаза осматривают меня в поисках малейшей подсказки, в поисках правды, но одновременно с этим, я прекрасно знаю, что она не желает знать правду.

— Какое кодовое имя у твоего брата?

Прежде чем я могу что-то понять, ее рука хлестким ударом наотмашь ударяет меня по щеке. Я воспринимаю ее действия как угрозу, поэтому моментально реагирую, захватывая ее руки и скручивая у нее за спиной, коленом надавливая на ее идеальную, упругую задницу, принуждая опуститься на бетонный пол на колени.

Она не сдает позиций, продолжая бороться подо мной, выскользывая из моего захвата, Харпер выворачивается и с пол-оборота сильным ударом впечатывает мне ногой по мышцам пресса.

Я захватываю ее лодыжку, но она вновь уворачивается, захватывая меня за шею рукой.

— Бл*дь, — раздраженно кричу я, и мне приходится скрутить с большей силой ее лодыжку, пока она не разворачивается ко мне спиной. Теперь я крепко удерживаю ее рукой за бедро, а второй фиксирую голень.

— Тебе лучше сломать мне чертово колено, Джеймс, — закипает она от злости, ее дыхание вырывается из груди толчками. Сейчас оно полностью отражает мое из-за усилий, что пришлось приложить в спонтанном бою. — Потому что если ты отпустишь меня, то ты, определенно, об этом пожалеешь.

Я наваливаюсь на нее с немного большей силой, убеждаясь, что она обездвижена и хорошо прижата к бетонному полу. Я не могу определиться, серьезна ли она в своих угрозах или нет. Но я знаю одно наверняка, что она способна воплотить их в реальность. Я слышал обо всех ошибках и промахах в ее воспитании. Она очень опасна. Не нужно недооценивать ее. И никогда и ни за что поворачиваться к ней спиной.

Наблюдение за ней на протяжении последних месяцев немного сгладило предостережения, которые были озвучены мне. Она никогда не выглядела злой. Никогда не повышала голос. Она не была опасней, чем все остальные девушки на пляже.

Но ее голос, пропитанный ядом, вновь воскрешает в памяти ее недавние действия, и ощущение угрозы возвращается.

— Харпер...

— Нет, — огрызается она. — Ты здесь чтобы убить меня? Вернуть меня обратно? Тогда какого черта ты тянешь с этим? Давай приложи все свои усилия, сделай свой самый лучший выстрел. — Она извивается всем телом, и я немного ослабляю хватку. И в следующий момент она разворачивается и практически ударяет меня коленом по челюсти. Но на этот раз я ловко уворачиваюсь, она, не теряя времени, выскользывает из-под меня и поднимается на ноги.

Она быстрая. Молодая. И яростная. И плюс ко всему остальному очень собранная. Это отличные качества для девушки, которая находилась сама по себе некоторое время.

Но спустя долю секунды я прихожу в себя. Отступая, я выставляю вперед руки, чтобы она немного сбавила свои обороты.

— Стоп, стоп, хорошо? Я здесь не для того, чтобы сделать что-то из этого.

— Какого долбаного хрена ты интересуешься им? Ты киллер от организации, мой брат — твоя цель? — сердито выплевывает она. — Ты...

— Харпер, если бы я хотел убить тебя, пойми, крошка, ты бы уже была мертва. Я играю грязно — убиваю без следов. Я выполняю работу и тут же сматываюсь на «Додже», никогда не теряя времени просто так. Я здесь не для того, чтобы обидеть или причинить тебе боль.

Она смотрит на меня немигающим взглядом, качая головой.

— Ты обучен говорить это. Ты тщательно обучен тому, чтобы я, как наивная дурочка, клюнула на твою удочку, чтобы поверила в твою ложь, а ты, тем временем, добрался и получил бы желаемое. Ты обучен тому, чтобы заставить меня почувствовать себя беззащитной, слабой и уязвимой...

— Как и ты, Харпер, — кричу я, прерывая ее поток слов, и сосредотачиваю ее внимание на себе, а не на ее гневе. — Как и ты, а может, ты даже на порядок жестче меня, потому что этому ты обучалась с пеленок, не так ли? Может, это ты играешь со мной?

— Все может быть, — парирует она.

— Ты сказала мне, что они называли тебя «Приходи»? Может, так и было. Но это не твое настоящее кодовое имя, поэтому не пичкай меня дерьмом. Я хотя бы был с тобой честен. Ты правда считаешь, что я сказал бы тебе свой номер, если бы пришел убить тебя?

Она сглатывает, и я понимаю, что одержал полную победу.

Харпер

Я отворачиваюсь как можно быстрее, чтобы не пришлось смотреть на него.

— Харпер? — говорит он мягким голосом.

У меня нет слов. У меня нет никаких слов.

— Харпер? — он касается моего плеча, и я отталкиваю его руку.

— Не нужно.

— Я клянусь, что я здесь не ради того, чтобы убить.

— Где было твое последнее задание?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

Подсознательно я уже знаю ответ на этот вопрос, поэтому решаю немного изменить его.

— А где ты был в прошлом году? — он замолкает и поворачивается так, что я могу получше рассмотреть выражение его лица. Он выглядит очень серьезным.

— Я жду. — Я топаю ногой, облаченной в шлепок, он опускает глаза и смотрит на мою ногу, затем поднимает на меня взгляд своих зеленых глаз, и на его губах играет улыбка.

Как этот мужчина может быть одним из них? Этот факт меня очень расстраивает. Как кто-то с такими милыми ямочками на щеках может быть беспощадным убийцей?

— Мой знакомый немного испортил мне работу в крошечной ничем не примечательной стране. Именно оттуда и начались все мои проблемы.

— А это было не в южной части Тихого океана? — спрашиваю я осторожно. Про себя, естественно, я сомневаюсь, что он ответит мне на этот вопрос.

— Нет, я никогда не работаю в той части. Я никогда там не появлялся с того момента, как мне исполнилось шестнадцать лет. — Он пристально наблюдает за мной, когда я обдумываю сказанное им. Он убивал людей с шестнадцати лет? Внезапно он вырывает меня из моих мыслей и разрывает тишину. — Все нормально?

Я отрицательно качаю головой и прислоняюсь спиной к стене. Он приближается ко мне, кладет свои большие ладони на мои бедра и слегка потягивает петли ремня.

— Харпер, — шепчет он сексуальным хриплым голосом мне на ухо. — Я не собираюсь никуда уходить, я не брошу тебя. Мне нужно, чтобы ты это поняла. Приняла. Находясь рядом с тобой, я чувствую, что впервые в жизни делаю что-то правильное. Я очень хочу тебя. Я хочу твою душу. Доверие. Хочу находиться внутри тебя. Я так долго и терпеливо ждал этого. И по счастливой случайности меня отправляют сюда, и я встречаю тебя.

Я качаю головой.

— Нет, это все западня, какая-то ловушка.

— Возможно, — говорит он, продолжая нашептывать мне на ухо. Его слова, его голос обезоруживают меня, и я хочу сдаться, я действительно хочу поддаться ему. В глубине души, я прекрасно знаю, на что он способен. Я знаю это, потому что меня учили таким же приемам. — Да, возможно это была своего рода какая-то глупая западня, но я могу поклясться тебе, что не замешен в этом. Я больше никогда не спрошу про твоего брата.

Все сказанное им противопоставляется всему тому, что мне было известно до этого. Все те примеры, которые мне приводили старшие наставники, о способах подчинения воли... Но я не могу ничего поделать, я падкая на это. Я так нуждаюсь в том, чтобы он

остался рядом со мной, чтобы не покидал меня. Я чувствую себя одинокой и испытываю потребность в человеческом тепле.

Он заключает мое лицо в свои ладони и прижимает к моим губам.

— Харпер, — продолжает молить он, продвигаясь губами к моему уху. — Пожалуйста, доверься мне. Я позабочусь о тебе, Воин.

Мое тело напрягается, когда слышу от него это слово, но мгновенно беру себя в руки и принуждаю себя расслабиться.

— Да, мне прекрасно известно, как они называли тебя на самом деле. Маленький Воин. Детское прозвище, верно? Я знаю тебя и ты меня, не так ли?

Я отстраняюсь от него, слегка отталкивая, мне нужно посмотреть на него, он кажется мне таким знакомым. Может, я его видела на пляже до всего этого?

Но он не ждет моего ответа, просто прижимается ко мне всем телом и всасывает мою нижнюю губу, пока я не вскрикиваю.

И это все, что мне потребовалось. Я сдаюсь ему. Он чувствует мое состояние, окружая меня своим крепким телом и прижимаясь своими губами к моим, поглощая мой громкий стон. Он делает все это так, будто ждал этого момента годами. До меня доносятся его грубые, наполненные страстью слова:

— Я хочу взять тебя прямо здесь. Я бы взял тебя сзади, приподнял твою задницу вверх и трахал бы... Я хочу связать тебя и слышать, как развратно и громко ты кричишь мое имя. Клянусь, я не сделаю тебе больно, но я хочу полного контроля над твоим телом. Это означает, что ты доверяешь мне.

Господи, мое тело неистово пульсирует от сильного желания. Он своим бедром заставляет меня раздвинуть ноги, давая ему беспрепятственный доступ к тому месту, где я больше всего жажду его прикосновений... На этот раз между моими ногами становится горячо и влажно.

— Я еще никогда... — я опускаю голову, одолеваемая смущением.

— Я знаю.

— Чего ты хочешь? — я смотрю на него, не сводя взгляда. Его глаза скользят по моему телу, он пытается прочесть меня.

— Я хочу тебя, — говорит он.

— Но почему? — я скидываю руку в сторону пляжа. — Там огромное количество женщин, которые буквально ждут твоего прикосновения, жаждут ощутить твой член между ног. Почему ты хочешь меня? Я еще глупая девчонка.

— Ты, определенно, выглядишь взрослой и созревшей для меня.

Его грубый ответ напомнил мне момент на пляже, когда он называл меня женщиной.

— Я не чувствую себя женщиной. Я чувствую себя маленькой девочкой.

Он проводит кончиками пальцев по моей щеке, я моментально хмурюсь и отворачиваюсь от него. Но мое тело реагирует и тянется к его прикосновениям. Я чувствую волну горячего желания между ног.

— Ты так долго была одна, на протяжении многих месяцев. Я наблюдал за тобой, я оберегал тебя на расстоянии. Если бы кто-то посмел только подумать обидеть тебя, я бы, не раздумывая ни секунды, убил его. Да, я был в твоей квартире, осматривал ее, нашел ключ за бойлером. Я был с тобой, когда ты спала.

Я сверлю его взглядом в ответ на его признание.

— Тогда ты ненормальный. Ты больной преследователь. Но я не могу отказаться от

тебя, потому что ты не просто какой-то там ненормальный преследователь, ты мой ненормальный преследователь. Девушки, у которой на груди светится невидимая цель. А ты парень, цель всей жизни которого заключается в том, чтобы уничтожить данную девушку. Ну и что из этого следует? Что нас это в какой-то степени объединяет?

— Именно, у нас есть общая история.

— Джеймс, это не та история, от которой хочется испытать радость, — парирую я, — Именно от таких историй хочется сбежать и начать жизнь с чистого листа.

— Это именно то, что ты сделала?

Я протяжно выдыхаю и сжимаю губы в тонкую полоску.

— Я не собираюсь рассказывать тебе ничего. Ты пытаешь смутить меня. Хочешь добиться моего доверия. Чтобы ты мог исполнить то, зачем ты тут. А может, они хотят, чтобы я помогла тебе сделать что-то грязное? Или... — его взгляд внимательно следит, как я провожу языком по губам. Я выдерживаю продолжительную паузу, чтобы набраться сил и продолжить. Но я не могу. Все слишком реально. Воспоминания всего, что я делала, преследуют меня по ночам.

— Или что? — настаивает он, подталкивая меня ответить. — Или превратить тебя в нечто большее, чем та, кем ты являешься на данный момент. Поэтому они пытаются столкнуть тебя со мной. У тебя есть хорошие навыки, так маленькая Рыба-лев? Как я мог не подумать об этом, ты прыгнула с пирса, потому что ты посчитала, что за тобой пришел убийца, которого за твой побег послала организация? Может быть, они и дали тебе кодовое имя «Приходи», но ты хочешь быть смелым Воином... которым, в данный момент, ты и являешься. Ты выросла. Ты опасна. Он называли тебя несущей смерть. Мне сказали, что ты маленькая опасная амазонка, и чтобы я держался от тебя подальше. И вызвать подкрепление, если мне посчастливится тебя встретить.

— Тогда почему ты не сделал этого, Джеймс?

— Потому что ты не моя цель, Харпер. Я здесь не для того, чтобы отнять у тебя жизнь. Пойми, если бы я хотел забрать ее у тебя, ты бы не стояла тут. Я давно в этом дерьме, и мой список убийств бесконечен. Я убиваю для организации не только неугодных людей, я убиваю и самих членов организации, поэтому не переоценивай себя, Харпер.

— Тогда ответь, почему ты здесь? — я пытаюсь вести с ним борьбу, хотя уже знаю, что моя битва давно проиграна. — Я хочу узнать все прямо сейчас.

Он усмехается и качает головой.

Я забираю ключ из его руки и быстро открываю дверь, проворачивая его в замке. Когда он не делает ничего, чтобы остановить меня, я опускаю ручку и отворяю дверь. Затем бросаю на него взгляд через плечо и в следующий момент я теряюсь, потому что он накрывает мои губы своими. И этот поцелуй не принадлежит безжалостному убийце, он не жесткий и грубый, и это не что-то нежное и ласковое.

Этот поцелуй словно некое откровение между мужчиной и женщиной.

Именно так мужчина целует женщину.

Я безвольно поворачиваюсь к нему, его большие ладони на моих плечах, затем его рука пробирается под одежду, я чувствую его ладонь на моей попке, его пальцы сжимают ее, притягивая меня ближе к его телу. Вторая рука ложится на мой затылок.

— Я здесь только для тебя, Харпер. Я хочу тебя.

Клитор болезненно пульсирует и набухает в ожидании его прикосновений. Но мой мозг боится того, о чем мечтает разум. Испугавшись, я отталкиваю его.

— Нет, — вскрикиваю я, он отступает от меня на пару шагов. — Я не готова, — его смешок начинает раздражать меня. — Запомни, я не одна из тех девок, кто дразнят парней, а потом кидают с ноющим стояком. Я не готова к такому, я хочу узнать тебя получше. — Я произношу эти слова, потому что это единственная нормальная причина, которая может хоть немного скрыть мой страх.

Я улыбаюсь, когда уголки его губ приподнимаются, снова обнажая красивые ямочки на щеках.

— Что именно ты хочешь знать? Люблю ли я трахаться грубо? Да, если я трахну тебя, это будет грубо, это будет грязно.

— Что? Нет! — я выдыхаю, не в силах сдержать смех, вырывающийся из меня. — Это... это не то, что я имела в виду.

— Ты серьезно хочешь знать, почему я нахожусь здесь, не так ли, Харпер? — он скрещивает руки на своей сильной груди, мышцы перекатываются под его кожей, и он слегка отклоняется на пятках назад.

Я вздергиваю подбородок и смело встречаю его взгляд.

— Да, — отвечаю я. — Или, в противном случае, я не смогу быть с тобой.

Он смеется над моим детским требованием.

— Ну, конечно, маленькая Рыба-лев, ты ведь красивая девушка, у которой ядовитые шипы, что способны больно ранить. Ты спрашиваешь это, потому что знаешь, если я признаюсь, то мне придется уйти самому. Потому что, сказав правду, я не смогу остаться рядом с тобой, так?

Мои губы крепко сжаты в тонкую линию.

Он с силой хватает меня за талию и притягивает к своей крепкой груди. Сама того не желая, я оборачиваю руки вокруг его шеи, меня накрывает чувство комфорта и безопасности, словно я уже принадлежу ему. Затем он приближается губами к моему уху и тихо шепчет:

— Я убил своего брата, Харпер. Я убил номер Пять. Я застрелил его в голову и затем отправил на тот свет мужчину, который запарол это гребаное задание год назад в Европе. Понимаешь, малыш, мне позволено убивать людей, если я того желаю. А в этот раз мне было необходимо убить этих двоих. Но тут образовалась небольшая проблема. Моих начальников не обрадовала такого рода самодеятельность, потому что я убил достаточно ценных людей, которые были выгодны организации. Они сказали мне, что я провалил психологическую аттестацию, когда убил членов организации. Но убить или избавиться они от меня не могут, так как я практически идеальное смертельное оружие, бесценное для организации. Но на данный момент я опасен для членов организации, для себя и для всего мира. Они сказали, что не могут винить меня в произошедшем, так как, скорее всего, на мне сказались годы двадцатилетней подготовки и годы безупречной работы. Один провал ничего не значит. Мне посоветовали принудительно отдохнуть и развеяться на пляже в Хантингтон Бич. Они хотели посмотреть, может, на меня бы оказали положительное воздействие отдых и спокойная обстановка.

Я смотрю на него в упор. Его лицо искажает жестокая маска, но его слова были произнесены обычным, почти безразличным голосом. Он смотрит искоса, вокруг глаз и на лбу образуются напряженные морщинки, челюсть крепко сжата, в ожидании моей реакции.

— Это именно то, что ты желала услышать, Харпер?

Я растерянно киваю.

— Да. Спасибо тебе. — Но он отталкивает меня настолько сильно, что я ударюсь всем телом о стену, затем, резко разворачиваясь, направляется к выходу. Я прихожу в себя и бросаюсь за ним. — Стой!

Но Джеймс не слушает меня, он продолжает идти, заворачивая за угол подсобного помещения. Я ускоряю темп.

— Стой! — я успеваю схватить его за руку, как раз на выходе из прачечной комнаты. Сушилка издает протяжный звук, сигнализируя, что работа закончена. — Куда ты идешь? — внезапно мое сердце начинает колотиться с неистовой скоростью, когда я осознаю, что он уходит.

Я смотрю на него краем глаза. Я вижу, что его взгляд непреклонен, все в нем так и кричит, что он намерен уйти от меня, но если он сейчас уйдет, то больше не вернется.

— Прости меня, мне не следовало тебе говорить это все, не следовало подталкивать тебя к этому признанию, я не знаю, чего хотела добиться.

Он вновь отталкивает меня, но я снова хватаю его за руку.

— Остановись, не уходи. Ты сказал, что не бросишь меня.

Он измученно вздыхает и качает головой, такое ощущение, что у него внутри ведется тяжелая борьба.

— В ту ночь, когда у меня была передозировка «Ативаном», ты говорил со мной по телефону?

Он не двигается и не произносит ни слова.

— Да? Джеймс?

— Ты тогда сказала, что я не захочу знать тебя... что ты невидимка, что ты никто. — Теперь он поворачивается и смотрит на меня, его губы сжаты в тонкую линию. Его глаза безразличные и пустые, словно выжженная земля, которая уже никогда не будет радовать взгляд пышной зеленью. Теперь я вижу, что он идеальная машина для убийств, он прирожденный киллер. Его милые и задорные ямочки на щеках сейчас скрываются за хмурым и отрешенным взглядом. Его пылкие и страстные эмоции укрыты за жесткой и непроницаемой маской убийцы. Он выглядит, как мужчина, который не воспринимает смерть, как что-то личное. Для него это просто работа, которая должна быть выполнена.

— Но ты ошибаешься, Харп, потому что еще очень молода. Я — никто, я ничего собой не представляю. У меня никогда не было планов, надежд. Всегда были лишь приказы. Четкие. Строгие. И что, я хорошо запомнил, так это, если хочешь выжить, нужно принять тьму, в которую тебя погружают, нужно не только суметь приспособиться к ней, но и стать ее неотъемлемой частью. Тебе меня никогда не понять. Но знай одно, если бы ты была в моем списке на устранение, я бы тебя убил. Будь в этом уверена, я бы убил точно так же, как и своего брата, и моя рука не дрогнула бы, когда я спускал курок. — Он буравит меня мрачным, нечитаемым, холодным, деловым взглядом. Этот взгляд мне отлично знаком — взгляд безжалостного убийцы. — Я тот, кто я есть. И я делаю, что мне велят. Может, ты и думаешь, что за тобой решающий ход и последнее слово, но, малыш, это не так, ты можешь притворяться, что в твоих словах много яда, что ты опасна, но для меня ты — Рыба-ангел.

Он снова разворачивается и продолжает уходить.

— Ты бы не стал убивать меня... Не нужно, не уходи.

Он резко разворачивается, крепко притягивает меня за талию к своему телу, прижимая к жесткой груди.

— Ты думаешь, что хочешь меня? Что готова ко мне? Что хочешь узнать больше? — он

склоняется и обдает горячим дыханием мою шею. — Хотела бы ты, чтобы я взял тебя?

Возбуждение нарастает, и по телу проходит дрожь желания, устремляясь горячей волной между ног, заставляя пульсировать клитор. Я ощущаю его обнаженную кожу. Я желаю его мягких и легких слов, больше чувственного шепота.

— Потому что я именно такой. Я тот, кто соблазняет маленьких девочек и жестко трахает их, они раздвигают свои ножки и делают то, что им сказано.

— Мне почти девятнадцать. Я смогу справиться со многим.

Он смеется, но его смех мрачный и жестокий, я знаю, что Джеймс покинул меня, со мной сейчас Тет.

— И это говорит мне наивная девчонка, которая ни разу в своей жизни даже не держала во рту член, не смейся меня, Харпер. И не стоит тратить мое время, я убедился, что просто ошибся в тебе.

Мне стыдно признавать, но вместо того, чтобы смутить, эти слова ранили меня в самое сердце.

— Я не заинтересован в малышках, Харпер. Я просто беру все, что мне причитается. И ты была права, потребовав ответа, потому что ты мне напомнила кто я такой, что я трахаю, а не бегаю за девушками, объясняя им, насколько они мне нравятся. А теперь иди домой и закройся на все замки, Харпер. — Он разворачивается на пятках и уходит. Я быстрым движением выбрасываю вперед ногу и делаю подсечку, заставляя его споткнуться, хватаю его за руку и слегка скручиваю. Он реагирует быстрее, чем я планировала, как он и говорил ранее, он намного превосходит меня по силе, поэтому я в считанные секунды оказываюсь под ним, пригвожденная к бетонному полу. Оседлав мои бедра, он придерживает меня руками за талию, нависая надо мной и вглядываясь в мое лицо. — Ты хочешь, чтобы я остался? Не хочешь отпустить меня?

Я не могу ответить.

Он привстает на колени, и начинает возиться с ремнем, расстегивая его.

Я лежу, не двигаясь, принуждая свое тело повиноваться ему. Я не хочу спровоцировать его уход.

Сняв ремень, он начинает быстро расстегивать пуговицу и молнию на джинсах.

Я тяжело сглатываю.

— Ты возьмешь мой член в рот, Харпер. И это не просьба, это долбаный приказ, которого ты не посмеешь ослушаться, если, конечно, ты хочешь, чтобы я остался. — Он с силой сжимает мое горло, отчего мои глаза слегка распахиваются.

Я языком облизываю свои губы, и на его щеках появляются ямочки.

— Сначала я трахну твой ротик, я буду скользить членом между твоих аккуратных губ. Затем я трахну твою узенькую киску. А уже потом, когда ты будешь готова, я возьму твою задницу.

Я не могу толком сосредоточиться на его словах. Все, что я понимаю, это то, что меня ждет секс с ним.

Он вытаскивает свой член и берет его в руку, проводя рукой по плоти. Когда его член становится тверже и увеличивается в размерах, возбуждаясь, на нем становится видна венка, которая с каждым его поглаживанием пульсирует все сильнее. Я неуверенно тяну руку и провожу по гладкой коже. Он издает стон, и его член, с выступающими венами, подергивается. Капелька предэкулята блестит жемчужиной на головке.

— Погладь его, Харпер.

Рукой я обхватываю его член, он настолько большой, что мои пальцы не могут соединиться. Желание между моих ног в одно мгновение разливается горячей лавой. Я несмело, застенчиво смотрю ему в глаза, неуверенная в том, что же мне делать дальше.

— Погладь его, — напутствует он мягким голосом. — Сильнее, — требовательно заявляет он. Я стискиваю его член немного сильнее и начинаю поглаживать его рукой. Мои действия быстро подстраиваются под ритм наших сердец как тогда, когда он ласкал меня на пляже.

На мгновение меня настигает вопрос, тот ли это мужчина, что был со мной там?

Я начинаю работать рукой сильнее, что заставляет его глаза прикрыться, а с его губ срывается низкий стон.

— Твои маленькие, аккуратные ручки на моем большом члене, Харпер. Как же мне это нравится. Открой свой рот.

Я замираю. Смотрю на него. Обдумываю сказанное им.

— Открой, — повторяет он снова, в его голосе прослеживаются нотки ярости.

Я повинуюсь...

— Шире, — шепчет он еще более настойчиво, располагая руки по обеим сторонам от моего лица и придвигаясь чуть ближе к моему рту. Головка его члена слегка поддразнивает мои губы, заставляя меня неистово желать попробовать его. — Мне следует сказать, как я люблю, Харпер?

Я сглатываю напряженный комок в горле, и с моих губ срывается тихий смешок.

— Если ты хочешь получить максимум удовольствия, то, скорее всего, тебе лучше бы сказать о том, как тебе нравится.

Он улыбается, и я немного расслабляюсь. Я не уверена, кто мне нравится больше: нежный Джеймс или Тет. Он нестабильный. Он убийца. Он убил собственного брата. Но мы с ним не так уж и отличаемся. Просто все это часть той жизни, где мы существуем. Я сомневаюсь, что готова к тому, что он желает показать, но я жажду его прикосновений. Я не желаю, чтобы он покидал меня. И, может, он и больной придурок, но я точно такая же. Если честно, я боюсь признавать это вслух, но мы просто идеальные части головоломки, когда мы вместе — мы одно целое.

Естественно, это не моя мечта, быть распластанной на полу и принужденной сосать его член. Но я не вынесу, если он оставит меня. Не тогда, когда он дал мне почувствовать, как отличается реальность с ним и прошлое без него. Я нуждаюсь в связи, пусть даже она будет основываться на психологической манипуляции.

Он перемещается вперед и выдавливает:

— Открой рот шире. — Я делаю в точности так, как он велит, и в следующее мгновение его член у моих губ. Я инстинктивно закрываю глаза и рот, но он повторяет скрежещущим голосом. — Открой, Харпер, и больше не смей закрывать, пока мы не закончим.

Я киваю и послушно делаю, как он говорит. Его головка бархатная и гладкая, его вкус немного солоноватый, но приятный. Я изгибаюсь, чтобы быть еще ближе к нему

— Проведи по ней медленно языком, попробуй меня на вкус, — его голос звенит от напряжения, он непреклонен.

Я позволяю своему языку исследовать края и выпуклости головки, ласково обводя ее языком, чувствуя, как он начинает проталкиваться чуть дальше и затем одним движением ударяется о стенку моего горла.

— Встань на колени для меня, Харпер. — Его голос меняется. Он становится ниже,

грубее, я даже испытываю страх, но он не позволяет мне испугаться. Джеймс подхватывает меня и ставит на колени, поощряя меня, поглаживая по голове. — Я сказал на колени, Харпер.

Я устраиваюсь на колени так, чтобы мне было удобно, но он не дожидается и входит на всю длину, ударяясь о стенку горла, его руки в моих волосах и он может задавать темп нашей маленькой игре. От его резких движений, я начинаю кашлять, пытаюсь вытолкнуть его член изо рта, и тем самым отползти от него назад.

— Быстро положи руки на бедра и не смей их убирать оттуда, — произносит он опасным голосом.

Я подчиняюсь его приказу и вбираю в рот его член, он нетерпеливо подергивается, умоляя меня взять его еще глубже. Я кашляю, но в то же время поглаживаю языком бархат его длины, поддразнивая кончиком языка. Джеймс не может сдержать стон, рвущийся из его груди при виде моей покорной позы и ощущения горячего рта на его члене. Я пытаюсь сглотнуть, но внезапно начинаю кашлять.

— Дыши через нос, — выдыхает Джеймс, поглаживая мои волосы, поощряя мои действия.

Я делаю глубокий вдох через нос.

Он двигается, проскальзывая между моих губ и отстраняясь, практически полностью выходя из моего рта. Слюна наполняет мой рот, и когда он выскальзывает, тоненькие ниточки тянутся за его членом, капельки срываются и катятся неспешно по моей груди. Он наблюдает за этим, его возбуждает то, что он видит, потому что его движения становятся резче, жестче. Тет начинает вколачиваться только сильнее, глубже, эротично постанывая.

Когда я кашляю еще раз, он отстраняет мою голову, чтобы я могла сделать вдох через нос и затем резко толкается, практически опускаясь в горло.

— Ооо, бл*дь, — стонет Джеймс низко и громко, и в следующее мгновение я чувствую, как теплая жидкость выплескивается мне на язык, наполняя рот. Я должна была почувствовать отвращение, но мне нравится его вкус, он дикий и приятный, как и сам Тет.

— А теперь глотай все до последней капли, Харпер, — шепчет он.

Я глотаю с удовольствием, затем вылизываю его член, пока он не прекращает пульсировать, а Джеймс тяжело дышать. Медленно, его член обмяк у меня во рту, хватка рук в моих волосах уменьшилась.

Он аккуратно вытаскивает из моего рта свой член, когда я присаживаюсь на задницу и вытираю слюну со своих губ. Я еще никогда не чувствовала себя более униженной. Я слышу, как он застегивает молнию на джинсах, а затем воцаряется оглушающая тишина. Но я боюсь поднять глаза.

Харпер

Сушилка снова издает звук о том, что ее работа окончена. Это служит нам напоминанием, что за одеждой скоро спустится ее владелец. Джеймс опускает руку мне на плечо, слегка стискивая его, но я не поднимаю на него глаза. Я смотрю на свою футболку и замечаю, что она покрыта моими слюнями. Это смотрится довольно отвратительно. Он вновь сжимает мое плечо.

— Ты можешь уходить, — говорю я еле слышно. — Прости, что не хотела тебя отпускать.

Он наклоняется и тянет меня за руку, чтобы поднять на ноги. Я поднимаюсь. Но не поднимаю головы, я не могу, потому что мной овладело чувство стыда. Я не верю в то, что первый минет я сделала практически незнакомцу в подсобном помещении на бетонном полу. Нет, у меня никогда не было иллюзий насчет моей жизни. Я никогда не забивала себе голову чепухой насчет рыцаря в сияющих доспехах или принца на белом коне, про которых любят писать большие и глупые статьи в модных журналах. Я не собираюсь прикидываться обиженной принцессой, потому что это не так. Но как бы то ни было то, что произошло, расстроило меня.

Я вырываю руку из его ладони и резко разворачиваюсь. Я смотрю себе под ноги весь путь, что иду до квартиры. Его большая и теплая ладонь ложится мне на плечо, перед тем как я успеваю зайти в квартиру, и принуждает меня развернуться к нему.

— Просто уходи, — мямлю я, готовая разрыдаться. — С меня хватит. Спасибо за отличное времяпрепровождение.

Он пытается пальцами приподнять мой подбородок и встретиться со мной взглядом. Но с меня хватит. Я полностью закрылась от него. Та податливая девочка, что была открыта для его сексуальных игр, ушла. Я зла.

— Прости, если причинил тебе боль.

Я коротко киваю, но мой взгляд все еще, как приклеенный, прикован к шлепкам.

— Я надеюсь, что у тебя будет все хорошо, Харпер. Я не скажу им, что нашел тебя.

Я быстро вскидываю голову, злость проходит через меня, как разряд тока, оживляя все мои чувства.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты здесь, чтобы убить меня!

— Нет, — почти кричит он, и его зеленые глаза выдают потерянного и отчаявшегося человека, что скрывается внутри него. Человека, который прячется за красивой внешностью и сексуальным телом. Человека, который прячется за тем мужчиной, с которым я шла на пляж плечом к плечу, который притворялся, что я ему нравлюсь, чтобы получить от меня все, что ему захочется.

Я смотрю на него, не сводя глаз, когда он придвигается ко мне, но тусклый свет коридора создает видимость, что он просто темная безликая тень. Символичность того, что сейчас происходит, настолько мощная, что я не могу сдержаться.

— Это то, что мы есть, да? — интересуюсь я. — Просто темные безликие тени? И так будет всегда?

Он не говорит мне ни слова в ответ, но мне и не нужно, потому что у меня есть ответ на этот вопрос.

— Когда ты был маленьким, Джеймс или Тет, не знаю, как тебя называть сейчас, у тебя была мечта?

— Нет, — отвечает он пустым, безэмоциональным голосом, качая головой так, что свет начинает мигать в моих глазах, сменяясь просто темными или светлыми бликами. И опять же символичность этого настолько велика, что я не могу сдержаться и думаю, что он, как эти блики — то светлый, то темный. На некоторое время он предстает передо мной Джеймсом, который может заботиться и быть нежным, затем его место занимает Тет, который не знает что такое жалость, он просто выполняет поставленные цели и четкие приказы, которые обучен выполнять автоматически, не рассуждая.

— Ну что ж, а у меня была. У нас была. У меня и брата. — Он резко вскидывает голову, когда я говорю «у нас». — Мы хотели сбежать от всех на небольшом катере и послать всех к черту. Мы хотели иметь новую жизнь. — Я жду, что он что-то скажет, но что? Может, я жду извинений, но за что?

— А теперь нет никакого «мы», Джеймс. Нет нас. И мне кажется, я одна ответственна за то, что произошло, за то, что привело меня, нас к такому финалу... Я понимаю, что мне не на что злиться, потому что мы сами творцы своей судьбы. У меня была мечта, Джеймс, а организация отняла ее и разрушила. Тогда я наплевала на всех и придумала свою новую мечту. Где только я и больше никого. И я предупреждаю тебя, если ты станешь на пути моей мечты, я попытаюсь защитить ее, и если это даже приведет к моей смерти, а так и будет, я все равно не упущу шанса убить любого, кто попробует забрать у меня то единственное, что принадлежит только мне...

Он кратко кивает в ответ на мои слова. Может, это что-то вроде профессиональной привычки. Или попытка сдержать меня в спокойном состоянии, пока он перебирает в голове другие варианты. Он склоняет голову чуть набок и смотрит на меня искоса.

— А ведь я знаю, кто ты и что ты совершила по меркам организации. Все десять киллеров были предупреждены прошлым летом о твоём поступке. Я прекрасно знаю, почему ты пустилась в бега. И мне прекрасно известно, что есть у тебя, и я не говорю об этой крохотной квартирке и твоём ключе. Харпер, я прекрасно знаю, что ты совершила.

Он ожидает моей реакции на его слова, но я не собираюсь доставлять ему такого удовольствия. Я крепко стою на своем. Мы остались все теми же детьми в душе: немного упертыми, смелыми и решительными. Мы прекрасно знаем, как вести себя в сложной ситуации. И он понимает, что не дождетя от меня никакой реакции, даже если я буду напугана до беспамятства.

Когда я не проявляю никаких эмоций, он продолжает.

— Я должен был бы тебя вернуть, но я не стану делать этого.

Я смеюсь.

— Ну и почему? Потому что ты убийца с золотым сердцем? Пытаешься поддерживать образ хорошего человека глубоко в душе?

Он качает головой, но не сводит с меня взгляда.

— Я совершенно не хороший человек, ни глубоко в душе, ни за ее пределами.

А затем он просто разворачивается и уходит.

— И именно поэтому ты только что так поступил со мной? — кричу я ему вслед. Я не хочу, чтобы он уходил, мне ненавистна мысль, что он меня покинет. Потому что

человеческое общение сродни самому сильному наркотику, а поскольку я получила его в лице Тета, я не могу его отпустить. — Именно поэтому ты унижил меня как самую мерзкую проститутку?

Он замирает на месте, усмехается, по-видимому, раскусив мою игру, затем вновь разворачивается и неспешно подходит ко мне.

— Ты что, реально считаешь, что я унижил тебя? Ты что, и правда и не понимаешь? Ты такая маленькая и наивная девочка...

Я качаю головой.

— Не понимаю чего?

Он тянется ко мне и хватает за руку. Медленно и лениво. Я позволяю ему подтянуть меня ближе к нему. А если быть откровенной, то я готова ему позволить намного больше, чем просто прижать меня к себе. Я нуждаюсь в его прикосновениях. Даже после того, как его член был у меня во рту, и он кончил мне в горло. Я все равно испытываю желание его присутствия рядом со мной.

— Харпер, — говорит он еле слышно, когда приникает губами к моему уху. Он берет мою ладонь и прижимает к своей промежности. Его член опять твердый и готовый. Я могу чувствовать его твердую длину даже через плотный материал джинсов. — Когда мой член был у тебя рту, в тот момент, — он горячо шепчет мне ухо, обжигающее дыхание легко касается моей кожи, и я практически схожу с ума, — как раз перед тем, как я кончил к тебе в горло...

Горячее желание проникает в тело, бежит по венам, а когда меня окутывает его глубокий голос, по коже прокатывается сладкая дрожь, пульсация между ног становится невыносимой. Я не уверена, сколько еще продержусь, чтобы не взорваться от переполняющего меня вожделения.

— ...когда я стонал от удовольствия, которое мне дарил твой ласковый язык, податливые мышцы твоего горла, то, как ты отчаянно старалась доставить мне как можно больше удовольствия, которого я так желал... это называется унижением, Харпер? Потому что в тот момент, ты обладала мной. Все что я мог видеть, это как ты ласкаешь мой член. Позволяя мне делать все, чтобы я достиг своего удовольствия. Ты владела каждой клеточкой моего тела. В твоих руках была сила, Рыба-лев. Не в моих.

Неожиданно его ладонь прижимается чувствительному местечку между ног. Он сдвигает джинсовые шорты в сторону и проскальзывает своими ловкими пальцами между складочками моей киски.

— Кто-нибудь уже трогал тебя здесь, Харпер? — на смену его мягкому и текучему, словно вязкий мед, голосу приходит властный и требовательный. Низкий рокот и требовательные стальные нотки. — Отвечай мне, — говорит он, средний палец прикасается к шелковистой коже и толкается глубоко в киску. Я задыхаюсь от ярких ощущений, пока он проскальзывает пальцем туда-обратно.

— Нет, — поскуливаю я. Мое тело больше не подчиняется мне. Моя голова идет кругом, поскольку он легонько шлепает меня по клитору. Я схожу с ума, откидывая голову назад, облизывая губы и негромко всхлипывая. В следующую секунду его рот накрывает мои губы, его язык переплетается с моим. Наше дыхание, губы, языки сливаются в полном бесконечного голода поцелуе, таком жадном, шокирующе сексуальном. Я смущаюсь, когда он отрывает свой рот от моих губ и пристально смотрит на меня. Его взгляд обжигает. Я поймана в ловушку, не могу отвести от него глаз. Его средний палец вновь проталкивается

вовнутрь, а большой слегка потирает твердый, набухший клитор. Я вздрагиваю всем телом, когда он проводит пальцами по влажным складочкам. Затем его губы вновь у моего уха, он шепчет нежные слова, создавая мне чувство комфорта. В ответ на его действия я расслабляюсь и позволяю ему делать все, что он хочет. Я готова делать все что угодно, лишь бы он не останавливался.

— Теперь власть в моих руках, не так ли, Харпер?

Я могу только кивнуть в ответ на его слова.

— И если ты готова, Харпер, я тебя жестко трахну. Я буду делать с тобой такие вещи, которые ты даже не можешь представить. Я вылижу твою шелковистую киску, и ты кончишь мне на язык. А затем я трахну твою идеальную попку, свяжу тебя и отшлепаю ее, украшая ягодицы легким розоватым румянцем от моей руки, до тех пор, пока ты не будешь выкрикивать мое имя.

На последних словах что-то внутри меня ломается, и я кончаю на его пальцы. Задыхаясь, нуждаясь в большем количестве воздуха, я захватываю ртом глоток за глотком, словно рыба, выброшенная на сушу, мои колени слабеют, и я прижимаюсь головой к его груди.

— И теперь вся власть у меня. Да? Харп? Когда ты на коленях с моим членом во рту, когда ты доставляешь мне удовольствие вся власть у тебя, детка. Ты владеешь мной. Потому что единственная мысль, которая преследует меня на тот момент — насколько сильно я хочу кончить в твоё горло. Когда я перекаत्याю твой твердый клитор между моими пальцами, когда я проскальзываю в тебя — власть в моих руках.

Я издаю стон полный неудовлетворения.

— Так? — требует он ответа, проводя пальцами между складочками, распределяя влагу, и затем его пальцы хватают меня за волосы, заставляя голову отклониться назад, принуждая меня посмотреть ему в глаза.

Я киваю.

— Да.

Он убирает пальцы от моих влажных складочек и подносит их к моему рту.

— Оближи, Харпер.

Я отворачиваю голову в сторону.

— Посмотри на меня, — приказывает мне этот жестокий убийца.

Я поворачиваю к нему голову и смотрю на него. Он держит два пальца, которые покрыты моим влажным желанием, доказательством того, что у него власть. Он подносит их к моим губам, я открываю рот.

— Облизывай, — говорит он спокойным голосом.

Я облизываю кончики его пальцев, пробуя на вкус свое собственное желание. Но ему недостаточно этого, он проталкивает их глубже, прижимаясь своей невозможно твердой и широкой грудью к моей, отчего мои соски становятся твердыми жемчужинами. Он прижимается ко мне своими бедрами, чтобы я могла почувствовать через джинсы его длинную и толстую эрекцию.

Внезапно свет в прачечной загорается, и он резко отстраняется от меня, поправляя руками свой член. В тот момент, когда он отходит от меня, на меня наваливается ощущение одиночества и холода. Я инстинктивно обнимаю себя руками, в попытке защититься.

Он тянется ко мне рукой и прижимается ладонью к моей щеке.

— Ты такая красивая.

Я краснею. Не могу поверить в то, что после всех развратных действий, которые он вытворял со мной, я краснею от простого комплимента о том, какая я красивая.

— Ты не веришь мне?

Я растерянно пожимаю плечами.

— Я даже и не знаю, — говорю я честно. — Мне никогда об этом не говорили.

— Но у тебя же есть зеркало, — он смеется, произнося эти слова. — Светлые волосы, карие глаза, золотистая кожа. И ты моя. Я ни с кем не делюсь, Харпер.

На его губах растягивается улыбка, украшая щеки милыми ямочками, и мои внутренности закручиваются в узел. У меня чувство будто меня бросили в большие волны океана.

— Твои глаза, они не карие, они цвета расплавленного янтаря, будто солнце нашло отражение в твоих глазах. Меня очаровало смотреть в них, когда солнце заходило за горизонт. В твоих волосах есть более светлые пряди оттого, что ты с самого детства находишься у океана. Твое идеальное тело покрыто золотистым оттенком загара, словно ты являешься самым понятием слова «загар». В тебе гармонично сочетается нежность и жесткость. Ты идеальный убийца и восхитительная любовница. Ты милая и опасная. — Он тянется рукой и хватает меня за задницу, слегка сжимая ее и впиваясь пальцами в податливую плоть. — Я обязательно трахну эту задницу, она будет восхитительно смотреться на моем члене, — выдыхает он мне на ухо, тем самым разжигая у меня между ног новое пламя желания, — запомни хорошенько, в следующий раз, я трахну твою киску и твою попку.

Я тяжело сглатываю нервный комок, что застрял у меня в горле, в попытке представить картину, которую он рисует для меня. Но я не могу ни на чем сосредоточиться, потому что его слова пугают меня

— Когда ты будешь готова, Харпер. Приди и найди меня

Он разворачивается и уходит, заворачивая за угол, говоря человеку, что, скорее всего, забирает свое белье из сушилки.

— Какие проблемы, мужик?

Харпер

Краем глаза я замечаю тень, когда поворачиваюсь на бок. Я быстро сажусь на кровати, смотря на пустой стул, который стоит на другом конце комнаты.

Ничего. Мне показалось.

Я смотрю на часы, они показывают три утра. Я не спала в течение двух дней. Я не покидала квартиру с момента нашей последней встречи с Джеймсом в холле. Я не ела, не принимала душ, не выходила на улицу. Я просто существовала.

Этот парень. На меня еще никто и никогда так не смотрел, не прикасался так ко мне и не обращался таким образом. Он был единственным, о чем я вообще могла думать. И, может быть, все потому, что я мельком видела его пару-тройку раз на пляже. Он признал тот факт, что наблюдал за мной. Но это неправильно, я не могу понять ни его, ни его больную слежку.

Тут было что-то еще...

Быстро сбрасывая с себя простыни, я выбираюсь из кровати и направляюсь на кухню, где держу снотворное. Я старалась, по мере возможности, избегать приема таблеток на протяжении двух дней, но больше не могу. Никто не может существовать без сна, сон необходим нашему организму. Потому что сейчас в моей голове царит полный беспорядок. Мне начал мерещиться образ мужчины, который сидит на стуле, пока я пытаюсь уснуть, отчего все мои внутренности скручиваются в жесткий узел, заставляя меня желать его член.

Дерьмо, да у меня серьезные проблемы.

Я быстро проглатываю три таблетки, запиваю глотком воды и направляюсь в кровать, устраиваюсь поудобнее на подушке.

Мой сердечный ритм и работа мозга замедляется одновременно. Но я знаю, что это лишь проделки моего сознания, потому что, чтобы начали действовать таблетки нужно, как минимум, двадцать или тридцать минут.

Мои веки тяжелеют и опускаются. Плечи расслабляются, когда я, поворачиваясь на бок, протяжно вздыхаю.

Просто немного тишины и спокойствия — все, в чем я нуждаюсь.

И в моем брате.

Но он ушел.

Поэтому я должна принимать мой фальшивый спокойный мир, который мне дарит успокоительное.

В том месте рассвет родился ранним утром, и первые лучи падали, отливая ярко-оранжевым светом на лазурную поверхность воды. Здесь все дни начинались одинаково. Мои ноги подстроились под привычное покачивание корабля. Я научилась держать равновесие на судне быстрее, чем начала ходить. Я была рождена на этом корабле. Я впитала первые капли молока на этом корабле. Я поднималась на палубу, спала в каюте, училась трудиться на этом корабле.

И, несмотря на то, что мое детство было буквально идеальным — солнце, песок, тропические острова и погружение на глубину с аквалангом, экзотическая еда, разнообразные люди, с которыми было интересно общаться — сегодня все это закончилось.

Сегодня нам по восемнадцать. И мы никогда в жизни даже ночи не проводили

раздельно, но я прекрасно понимала, что у нас больше могло и не быть таких ночей.

Потому что к тому времени, как солнце скроется за горизонтом, только один из нас останется в живых.

Резкий укол боли, пробуждает меня ото сна, слезы все еще стоят в моих глазах. Я ненавидела этот сон. Почему я должна снова и снова переживать тот день в своих снах?

Мы с Ником были плотно переплетены в матке нашей матери, и, когда пришло время появляться на свет, мы не отстранились друг от друга, поэтому при рождении мы убили нашу мать. Он всегда был только моим. Мы — это все, что было у меня.

Для моего отца я всегда была трофеем. Нет, я никогда не была принцессой. Просто трофеем. Я была обещана Организации еще до нашего рождения. И когда мне исполнилось шесть, меня познакомили с моим будущим мужем. Меня создавали и лепили для того, чтобы сделать из меня идеальную вещь. Что-то, на что могли смотреть и любоваться, но «вещи» не свойственно было иметь своего мнения, особенно насчет того, как она желает распоряжаться своей жизнью.

Тренировка была чем-то вроде свободы. Я бы не смогла пережить те часы одиночества, когда Ник уходил обучаться боевым искусствам, поэтому они позволили и мне ходить вместе с ним. Каждые пару лет какая-нибудь из нянек настаивала на том, что это совершенно неприемлемо, чтобы девочка везде таскалась за братом: рыбачила, ходила на тренировки по боевому искусству, училась стрелять. Но Адмирал всегда сдавался моим просьбам, потому что, как мне кажется, он испытывал некое чувство вины за то, что продал меня в таком маленьком возрасте, чтобы удовлетворить желания и помочь воплотить некий план, что был на уме у Организации. Но сколько бы раз я не спрашивала, он всегда отвечал, что не жалеет о своем решении.

Моему брату-близнецу никогда всё не давалось настолько легко. Его ожидало великое будущее. Даже несмотря на то, что нам позволяли тренироваться вместе, меня никогда не допускали до «работы», в которой он стал участвовать, когда был еще маленьким мальчиком.

Каждый раз, когда он покидал корабль, я стояла на палубе и смотрела на берег, ожидая его возвращения. Это напоминало чувство... словно ты задерживаешь дыхание, не позволяя сделать себе ни вдоха, пока он вновь появится на горизонте. Каждый раз, когда он уходил, я была от страха за него. И каждый раз, когда ему удавалось вернуться обратно, я рыдала от облегчения.

Ему не позволялось рассказывать про свою «работу». Но мы же близнецы. Не однойцевые, но все же. Мы всегда ощущали, что мы одно целое.

И поэтому, естественно, он рассказывал мне обо всем. Не сразу после своего возвращения. На судне мы никогда не делились секретами, потому что это было небезопасно. Но когда мы пришвартовывались к какому-либо порту, у нас было время поделиться секретами. Это время отводилось нам на игры.

А когда наше поведение было идеальным, нас оставляли одних. Тренеры Ника следили за нами, только когда они были поблизости, а когда дело касалось игр на пляже, осмотра прибрежных скал все умывали руки, потому что взрослым мужчинам платили за то, чтобы охранять нас, а не за то, чтобы быть нашими няньками. Внимательный взгляд Адмирала каждый вечер преследовал нас, он наблюдал за нашим поведением. Но большую часть времени его не было рядом. Наше воспитание было поручено другим людям.

Мы нужны были только для определенных целей, а в остальном нас игнорировали.

У них ушло много времени, чтобы понять свои ошибки.

Даже несмотря на то, что я чувствую большое удовлетворение оттого, что обвела вокруг пальца команду охранников на яхте и сбежала с минимальными потерями, это не сравнить с чувством удовлетворения, которое я получила, когда мы были близки с Джеймсом в холле, ощущение его рук между моих ног перекрывало все.

Я поворачиваюсь в кровати, мой разум все еще заторможен после таблеток, а тело все еще жаждет освобождения от чувства опустошения, которое я испытываю после своего первого настоящего оргазма.

Если бы я только могла опять испытать те ощущения. Может, тогда я смогу немного расслабиться.

Я провожу руками по своему животу, пробираюсь под резинку трусиков. На долю секунды я испытываю легкое сомнение. Теперь я точно осознаю, что я желаю другой жизни. Я так устала быть одна. Одинокая слезинка срывается и катится по моей щеке, когда я делаю то, что делал Джеймс. Я проскальзываю своим пальцем между влажных и горячих сладок вовнутрь. Толкаясь в свое лоно пальцами, я представляю, как Джеймс расстегивает ремень и вытаскивает свой член. Я бы так хотела представить его лицо. Я бы отдала все, чтобы увидеть тот момент, когда он кончал в мое горло. Неконтролируемый стон срывается с моих губ, когда я потираю ноющий клитор.

Этой мысли достаточно, чтобы перебросить меня через тонкую грань удовольствия и подвести к самому пику. Через несколько секунд я кончаю, сотрясаясь всем своим телом от неистового удовольствия.

И я вновь проваливаюсь в спасительную негу сна. Только в этот раз я не на корабле, а под пирсом. Я нахожусь под Джеймсом. Он ласкает подушечками пальцев мою щеку, а затем приникает губами к каждому веку и оставляет там по поцелую.

— Спи, Харпер. Тебе нужно отдохнуть.

Он прав. Я так хочу отдохнуть, мне так необходим сон. Но когда Джеймс начинает отстраняться, я быстро хватаю его за руку. Волны продолжают легко наступать и отступать, с каждым движением волн образ Джеймса понемногу рассеивается.

— Пожалуйста, не покидай меня, — шепчу я, но уже слишком поздно. Джеймс исчезает в темных водах океана, оставляя после себя лишь легкую дымку чувственного удовольствия. Я снова одна в кровати.

Я просыпаюсь с ужасной головной болью. Мой желудок скручивает от полного отсутствия... всего. Я лениво сползаю с кровати и направляюсь на кухню, где опираюсь о раковину, мои глаза все еще прикрыты. Я открываю кран и нагибаюсь, делаю спасительные глотки, внутренне кривясь от отвратительного вкуса водопроводной воды, но решаю пить, пока мой желудок не наполнится.

Вытираю рот тыльной стороной ладони и открываю холодильник. Там пусто, не считая пары соусов, которые были принесены из Rocky Burgers. Мне необходимо поесть.

Я резко закрываю дверцу и отправляюсь принимать душ. Заканчивая, понимаю, что у меня не осталось чистых полотенец. К тому времени, когда я нахожу одежду, тело полностью высыхает. Я надеваю трусики, решая сегодня обойтись без бюстгалтера. Затем натягиваю белую футболку и обрезанные джинсовые шорты. Проводя пару раз расческой по волосам, я собираю непослушные волосы в хвост. Потом беру ключи и выхожу вон из осточертевшей квартиры.

Время и дата на телефоне говорит мне, что сейчас семь вечера понедельника.

Получается уже прошло семь дней с момента знакомства с Джеймсом на пирсе. Мое маленькое глупое затворничество было не к добру.

Я прохожу мимо мексиканского ресторанчика, решая не заходить туда некоторое время. Я не хочу сближаться с людьми, которые готовят еду. Я не хочу быть местной, поэтому решаю направиться в восточном направлении противоположном пляжу. Когда я вижу маленькую закусочную, в которой не бывала ранее, я моментально принимаю решение в ее пользу.

Я ненавижу китайскую еду, поэтому заказываю обычную, более привычную для меня, как мне кажется: обжаренный рис и большой стакан колы. Мне необходимы калории, потому что прогулка сюда практически отняла у меня все силы.

Я ем в полном одиночестве и тишине, наблюдая за улицей. Методично пережевываю пищу, думая о жизни, о Джеймсе, пытаюсь понять, что именно я чувствую к нему. Размышляю над его словами о власти вовремя секса.

И я должна признать в его словах есть смысл. Чем больше думаю об этом, тем сильнее увеличивается ноющая пульсация у меня между ног. Я допиваю последний глоток колы и выбрасываю мусор в урну, направляясь на пляж. У меня осталось совсем немного времени до того, как наступит закат, поэтому я должна поторопиться.

Придя на пляж, направляюсь напрямиком к ступенькам «Pier Plaza», забираюсь на заграждение, прикрывая глаза от света ладонью, я ищу его. Он сказал мне: «Приди и найди». Но, черт возьми, как я это сделаю? Я осматриваюсь, но не могу найти его, я вижу похожих мужчин, но не вижу Джеймса.

Я спускаюсь с заграждения, потому что начинает приходить все больше и больше людей, и усаживаюсь на траве. В паре ярдов от меня группа скейтеров делает разнообразные трюки, я опускаю голову на свои колени и наблюдаю за ними.

Они все моего возраста. Все высокие блондины и с обнаженным торсом. Между прочим, очень привлекательные. В общем, я не обращаю внимания на парней, которые постоянно тусуются на пляже. Я слишком занята своими проблемами, чтобы обращать внимание на молодых парней.

Но одного парня из этой компании, я вижу достаточно часто. Он, как и я, постоянно проводит время на пляже. Утром он катается на волнах, а вечером и ночью на скейте. Смотря на него, я могу точно сказать, что пляж — это его жизнь. Он красивый и его улыбка естественна.

Я вздыхаю и непроизвольно наблюдаю за ним и за тем, как он катается на скейте. Он выполняет такие трюки, которые бросают вызов гравитации. Он падает, смеется, поднимается и опять старается выполнить то, что у него не получается. Его друзья похожи на него: молодые, полны жизненной энергии и достаточно привлекательные.

Он смотрит на меня, а я настолько утомлена, что мне даже лень делать вид, что я не наблюдаю за ним

Блондин машет мне. Я даже не моргаю в ответ.

Парень отворачивается от меня и начинает о чем-то говорить со своими друзьями, затем они стучаются кулаками, и он подхватывает свою доску под передние колеса и направляется напрямиком ко мне.

Я выпрямляюсь и начинаю нервничать. Проклятье.

Он подходит ко мне, улыбаясь.

— Привет, — легко обращается он ко мне, укладывая на землю скейт, затем

присаживается рядом со мной. — Что случилось? Почему ты сегодня одна?

— Я всегда здесь одна, — говорю я, пристально рассматривая его лицо, в попытке понять его намерения. Боже, неужели все парни такие красивые? Или это так влияет пляж? Я никогда не обращала внимания на такие вещи, но двое за последнюю неделю это, определенно, удача.

Он протягивает руку, говоря:

— Скотт.

Я пожимаю его руку, отвечая:

— Очень приятно, Скотт.

Он тепло улыбается, и уголки глаз слегка приподнимаются.

— Ты не собираешь сказать мне свое имя, красавица?

Я убираю руку, отклоняюсь назад и сжимаюсь всем телом в попытке стать незаметной и маленькой.

Он отводит свои глаза, смотря по сторонам, затем вновь возвращается ко мне взглядом, по-видимому, он удовлетворен поисками.

— А где твой парень?

Я не могу вымолвить ни слова.

— Тот, с которым ты была тем вечером? — добавляет он, замечая растерянность на моем лице. — Ну, у которого ты сидела на коленях, словно маленькая послушная кошечка?

— Мне кажется, ты меня с кем-то спутал.

— Оу, вот как, — медленно выдыхает он, кивая головой и решаясь действовать. — Хорошо. Не хочешь тогда прогуляться? Посмотреть на закат откуда-нибудь с другого места?

Я просчитываю варианты. Определенно, он не заинтересован в наблюдении за закатом. Поэтому это предложение лишь глупый предлог. На прошлой неделе я бы отказала ему. Но сегодня... Я знаю, для чего девочки выбирают себе мальчиков.

И наоборот.

— Чем мы собираемся заняться? — спрашиваю я, принуждая себя пристально посмотреть ему в глаза.

Он криво усмехается, и его улыбка достаточно привлекательна и располагает к дальнейшим действиям, затем он кладет руку на мое колено и слегка сжимает.

— Выбор за девушкой.

— Я живу чуть ниже по улице.

Он поднимается на ноги и подает мне руку.

— Ну, тогда пойдём, детка.

Он берет меня за руку, когда мы пересекаем «Pier Plaza», общаясь, как будто знаем друг друга целую вечность.

— Мой приятель Дэнни...

Если честно мне было абсолютно наплевать на его приятеля Дэнни, и, как он сломал свою челюсть, выполняя скейтерский прием, который, если честно звучит настолько нереально и смешно, чтобы быть правдой. Хотя я ничего не знаю про скейтерские трюки, чтобы судить.

Все, что я чувствую — это моя рука в его. Как и тогда с Джеймсом. Это именно то, что делают красивые парни? Они очаровывают и берут за руку, в то время как ты чувствуешь себя совершенно растеряно? Если честно, у меня такое чувство, что я полностью отупела, раз решилась на такой отчаянный шаг, чтобы найти Джеймса. Но все о чем я могу сейчас

думать, как расплачусь от удовольствия под его пальцами, когда получу то, зачем все это затеяла.

А что будет после этого... не имею никакого понятия.

Когда я поворачиваю на пятую улицу, там полно полицейских машин с включенными мигалками, поэтому я направляюсь налево к отелю «Walnut» и прохожу с задней стороны через глухой переулочек к воротам, за которыми находится мой дом, но внезапно мной овладевает нервное состояние.

— Это твой дом? — говорит он, кивая в сторону жилого комплекса. И не дожидаясь ответа, мощным толчком пригвождает меня к гаражу, прижимаясь к моему телу, сжимая мою задницу. И в следующую секунду все, что я чувствую — это ощущение его губ на моих.

А затем...

Его с силой отбрасывают в сторону, и скейтер падает на землю. Джеймс. Над ним возвышается Джеймс, его кулаки сжаты, он смотрит на него со своим профессиональным выражением на лице.

— Прекрати! — гневно кричу я, становясь между парнем и убийцей. — У тебя нет никаких прав.

Джеймс пристально вглядывается мне в глаза, затем сужает свои. Мои внутренности сжимаются, желудок скручивает жестким узлом, а внутри ощущение, как будто я прыгнула с высокой скалы. Настолько ужасающе он выглядит. Он указывает кивком головы на моего нового друга.

— Seriously? Этот придурок? Он каждый день цепляет новых цыпочек. И если бы ты обращала внимание на то, что происходит вокруг тебя, то, вероятнее всего, ты бы это заметила.

В то время как мы выясняем отношения и смотрим сердитыми взглядами друг на друга, скейтер поднимается на ноги, берет свою доску и отходит от нас на безопасное расстояние.

— Эй, придурки, я, между прочим, все еще здесь. — Он разворачивается, отходя еще на пару шагов. — И, кстати, я спрашивал у нее, где ты. И твоя ли она. Но она сказала, что нет. Поэтому, мне кажется, чувак, у тебя есть работенка, которую нужно разрешить.

Затем он ставит доску на колеса, запрыгивает на нее и через пару секунд скрывается за поворотом, будто его здесь и не было.

Джеймс вновь поворачивается ко мне, скрипя зубами, стискивая челюсть.

— Ты совершенно не понимаешь, что творишь, да?

Я поднимаю подбородок в знак неповиновения.

— Я прекрасно понимаю, что делаю.

Он с силой хватает меня за плечи и прижимает к гаражу.

— Ты что, хотела трахнуть его? — его глаза скользят по мне, ожидая ответа.

— Может быть.

Он вскидывает руку, оборачивая пальцами мое горло, и сжимает его, слегка поглаживая большим пальцем нежную кожу.

— Я утолил твою жажду удовлетворения, я позволил тебе попробовать меня на вкус, бл*дь, я дал немного пространства, чтобы ты пришла в себя, а ты тащишь этого придурка к себе домой? — он прижимает свои бедра ко мне, чтобы я могла ощутить его жесткую и толстую эрекцию. Его мощный член требует внимания. Все мое тело замирает, каждая мышца напряжена. Но я держу руки опущенными и пытаюсь расслабиться, когда его рука немного сильнее сжимается на моем горле.

Сердце начинает биться чаще, мое дыхание учащается, но я понимаю, что все, что я сделала, было правильно, я тянусь рукой к его лицу, проскальзывая пальцами в его темные волосы.

— Ты только моя, — издает он собственнический рык. — Я ясно дал тебе понять, чтобы ты нашла меня, когда будешь готова.

— Я тебя искала, но, к сожалению, не смогла найти, поэтому разыграла единственную карту, которая у меня была. — Говоря это, я смотрю на него с удовлетворением. Солнце давно спряталось за горизонтом, словно предчувствуя нашу ссору, и теперь только россыпи золотистых звезд освещают нас. — Мне не нужно было искать тебя, Джеймс. Все, что мне нужно было сделать, это немного подтолкнуть тебя, чтобы ты нашел меня.

Харпер

Он быстро отворачивается от меня, но перед тем, как он это делает, я все-таки замечаю его ухмылку. Он расправляет плечи, делая глубокий вдох. Скорее всего, чтобы скрыть свою улыбку и продолжать играть роль взбешенного придурка.

На протяжении всей моей жизни люди всегда наивно полагали, что я глупый ребенок и ничего не могу понять, и это все из-за того, что я привыкла больше слушать и улавливать суть, чем говорить.

Я никогда не прерываю своего оппонента, потому что лучше дослушать, что он скажет, чем перебить и упустить его мысль.

Я всегда держусь намеченного курса. Но когда-то я не была такой, во мне кипела жажда борьбы, тогда я не умела подстраиваться под противника и принимать его игру. Однажды, я спросила у своего брата, почему он всегда такой покладистый к приказам Адмирала. Тогда нам было где-то лет по восемь, в то лето я училась управлять кораблем, а он готовить картошку на камбузе. Его ответ навсегда остался в моей памяти, и, по сей день, я использую эту тактику: «Нужно принимать решения и расставлять приоритеты, Харп. Иногда нужно уметь уступать и проигрывать. Мелкие сражения не имеют решающего значения, как исход самой войны, поэтому будь умнее и набирайся сил, слушай и понимай своего противника. Это поможет тебе нанести решающий удар, когда он не будет ожидать».

На протяжении всего дня, я не могла выбросить его слова из головы. Расставляй приоритеты. И умей принимать поражения. Маленькие сражения не имеют решающего значения. Главное — исход самой войны. В тот момент я уже знала, что моя война должна быть выиграна. И поэтому, когда налетал сильный ветер и хотел сбить меня с моего пути, я просто на некоторое время опускала паруса, но это никогда не значило, что я не одержу победу. Внимательность и молчание — отличные качества, которые в итоге помогли мне достичь своей цели — сбежать.

— Так ты пыталась заставить меня ревновать? — он вновь поворачивается ко мне, на его лице беспристрастное выражение. Но я уже знаю, что ему нравится моя коварная сторона.

— Именно, — отвечаю я.

— Знаешь ли ты, что случается, когда я начинаю ревновать? — он вновь подступает ко мне, сжимая своими ладонями мою шею. Несмотря на опасность происходящего, несмотря на то, как он стискивает мое горло, он одновременно поглаживает большими пальцами мой подбородок, словно успокаивая и уговаривая довериться ему. Мое тело в ту же минуту призывно реагирует на его ласку, между ног начинает разливаться знакомое желание и пульсация.

— Нет, — отвечаю я мягко.

Он всматривается в мои глаза в течение нескольких секунд, затем прижимается своим твердым телом к моему, почти касаясь своими губами моих.

— У кого власть, Харпер?

— У тебя, — отвечаю я послушно.

Он нежно прижимается к моему лбу своим и хрипло выдыхает, почти смеясь.

— Как ты будешь себя вести?

— Я буду вести себя хорошо. Я буду послушной. Хочешь, чтобы власть была в твоих руках, ну, тогда так тому и быть.

Он резко отпускает мое горло и хватается за руку, направляясь в сторону дома. Я покорно слеую за ним. Мы спускаемся по ступенькам, которые ведут в подвальное помещение, Джеймс решительно подходит к бойлеру, достает ключ оттуда, где я его обычно прячу. Он стреляет в меня хмурым взглядом, как будто ожидая моего комментария о том, что ему известно, где я прячу ключ. Но я не произношу ничего, потому что все, о чем в этот момент я могу думать — поглощающие меня развратные образы того, как он будет меня ласкать. Он открывает дверь, заталкивая меня внутрь.

Я остаиваюсь посреди коридора, как будто это не моя квартира, а его. Он закрывает дверь и пару секунд смотрит на нее, словно внутри него происходит битва, как будто он пытается принять какое-то важное решение. Когда он разворачивается, его глаза наполнены пылающим пламенем. Он сжимает большими, шероховатыми ладонями мои предплечья, ловким движением отталкивая меня к стене и прижимая своим телом к ее поверхности. Бедром он принуждает меня раздвинуть ноги, потираясь им о чувствительное местечко между моих ног, что дает ему беспрепятственный доступ туда, где я больше всего жажду его прикосновений. Я прикусываю губу, содрогаясь всем телом под его натиском, и из моей груди вырывается мучительный стон, который он воспринимает, как положительный ответ. Затем его губы прижимаются к моим, наше дыхание смешивается. И Джеймс страстно целует меня.

Он прикусывает мою нижнюю губу, чем очень удивляет меня. Я всхлипываю от боли и чувствую металлический привкус крови во рту, но прежде чем я успеваю отреагировать, он ласково проводит своим языком по ранке, слизывая выступившие капельки крови. Через пару секунд он захватывает мою верхнюю губу между зубов, слегка покусывая и посасывая.

— Мммм, — это все, что вырывается у меня. Я поднимаю руку, чтобы оттолкнуть его, но он перехватывает мое запястье и пригвозждает его у меня над головой.

— Сделаешь это еще раз, я тебя свяжу, затем отшлепаю и жестко трахну.

Я делаю глубокий вдох, чтобы немного успокоить бурлящее желание. В такие моменты я чувствую себя очень уязвимой и неуверенной.

— Есть какие-нибудь ограничения, Харпер? Тебе лучше всего сказать сейчас, если они есть. Потому что то, что произойдет дальше, не будет похоже на «романтическое соединение двух тел», как пишут в глупых романчиках. Это будет грубо, жестко, похотливо, но никак не романтично.

Проклятье. Какие там у меня ограничения? Они же есть? Я же не могу быть настолько извращенной.

— Ты мне доверяешь? — когда я поднимаю на него взгляд, он смотрит на меня серьезно. Очень, очень, очень серьезно, как будто решается вопрос: должна ли я окатить его яйца кипятком или нет.

Я отрицательно качаю головой, потому что на его вопрос очень легко ответить.

— Нет, не совсем, Джеймс. Я имею в виду, да, очень хочу этого. Правда, хочу. Но между нами существует лишь влечение и, возможно, уважение, но не более. Это, как например, ты видишь большую собаку, которой про себя восхищаешься, но ничего более.

Он скользит по мне своими изумрудными глазами. Теперь я понимаю, о чем он говорил, он предоставил мне шанс решать. Это очень хорошо, как мне кажется.

Джеймс отпускает мое запястье и легко целует меня в кончик носа, говоря:

— Хорошо.

— Хорошо? — боже, только, пожалуйста, не дай ему изменить свое решение, он же не передумал? Срань Господня. — Джеймс...

Он прижимает подушечки пальцев к моим губам, затем передвигается ближе ко мне и проводит языком по нижней губе, нежно посасывая ее.

— Мне нужно знать, как ты этого хочешь, Харп. Или я могу пойти слишком далеко. И... — Он берет мое лицо в ладони и притягивает меня к себе, потираясь своей промежностью о мои бедра. — Я не хочу причинить тебе боль, потому что для тебя это значит слишком много. Даже такой бессердечный ублюдок, как я, понимает это.

А чего хочу я? Я просто хочу секса. Я хочу, чтобы гребаная пульсация неудовлетворения сменилась сногшибательным освобождением.

— Мне нужно знать, уверена ли ты в своем желании?

— Я уверена, — говорю я быстро. — Правда, и если ты сейчас остановишься, я клянусь, что пойду и найду того парня на скейте.

Он сильно шлепает меня по заднице. Я вскрикиваю и пытаюсь отстраниться, но он с силой удерживает меня на месте в ловушке своего тела, и шлепает меня второй раз по бедрам и третий между ног.

Я вскрикиваю еще и еще.

— Тебе лучше бы сказать, что ты раскаиваешься за свои слова, — напряженно произносит он, пристально прожигая меня взглядом.

— Извини, просто я...

— Ты просто пытаешься подтолкнуть меня, а мне это жутко не нравится. — Он смотрит, не сводя своего взгляда с меня, затем сужает глаза и стискивает челюсть.

Я до боли закусываю губу, пока не чувствую привкус крови, потом все-таки киваю.

— Хорошо. Прости меня, это была глупая шутка. Я совершенно не заинтересована в том парне. — Он смотрит на меня подозрительным взглядом, но я уверена, что сейчас он больше в игривом настроении, нежели в раздраженном. Несмотря на свои мысли, я киваю ему и послушно произношу. — Я клянусь.

— Так ты полностью готова? — его пальцы проскальзывают под мою футболку, ладони ложатся мне на талию, они ощущаются немного холодными на моей разгоряченной коже, и эта разница температур заставляет кожу покрыться мурашками. Мои соски превращаются в острые пики.

Руками я обнимаю его за шею, приближаю губы к его щеке и шепчу:

— Я готова, как никогда.

— И никаких ограничений?

— Просто... будь нежным и милым.

Беззаботная улыбка растягивается на моем лице, потому что я совершенно не знаю, что делать. Я не имею опыта в таких делах. Он что думает, что я мечтала о своем первом разе, как многие девчонки? Ну что ж, он ошибается. Я также не читала никаких романов на эту тему. Но да, я как-то говорила о сексе с престарелой медсестрой на нашем корабле. Тогда она мне дала ясно понять, что никого секса не может быть и в помине, пока я не выйду замуж, за того, кому я была обещана. Кстати, как раз пришло время моего замужества. Пришло время, когда мой отец должен отдать меня, как какую-то вещь, парню, которого я видела всего пару раз в моей жизни, и то, когда мне было шесть лет.

Он издает рык в мою шею:

— Бл*дь, Харпер. Ты сводишь меня с ума. Ты должна мне сказать, что мне ни в коем случае нельзя делать или я, клянусь, сделаю все, чего так желает моя темная душа.

— Я не знаю, что тебе сказать. Я просто хочу, чтобы это ощущалось приятно. Я хочу, чтобы ты прикоснулся ко мне и сделал мне приятно. Чтобы убрал одолевающее меня чувство одиночества... — Я замолкаю и смотрю ему в глаза, его внимание всецело приковано ко мне, как будто он ловит каждое мое слово. — Дай мне почувствовать себя желанной.

Одним махом он стягивает мою футболку. Мои соски напрягаются еще сильнее, когда их касается прохладный воздух комнаты. Затем я чувствую, как он сжимает твердые вершинки между пальцами и перекатывает их, мое сердце начинает биться сильнее от его откровенной ласки, а дыхание становится рваным и толчками вырывается из груди. Затем Джеймс накрывает своей ладонью мою грудь, а большим пальцем вырисовывает замысловатые круги вокруг моих сосков. И следующее, что я чувствую, как его рот накрывает мои губы, и он проскальзывает языком между ними. Другой рукой он расстегивает молнию на моих шортах, забираясь ладонью под материал крошечных трусиков, его пальцы проникают между разбухшими и влажными складочками.

— Как ты это называешь? — говорит он тягучим голосом, проталкивая пальцами в трепещущее лоно.

Я начинаю смеяться.

— Что?

— Киска, — шепчет он в ответ. — Ты будешь называть это — киска, когда в следующий раз я у тебя спрошу. А когда ты захочешь, чтобы я поласкал ее языком, — о, боже, я готова, прямо сейчас кончить только от его слов и образов, которые он описывает, — ты скажешь: «Джеймс, пожалуйста, вылижи мою киску». И да, вежливой быть очень важно, Харпер.

Я не могу сделать ни единого вдоха, потому что мне кажется, если я позволю себе втянуть спасительный воздух, я просто кончу от ярких ощущений. В это время его пальцы начинают проникать глубоко в меня. От его действий мои колени слабеют.

— Ты хотела бы, чтобы я вылизал твою киску, Харпер? Чтобы проник в твою узенькую дырочку языком? Хотела бы кончить мне на язык?

То, как он произносит мое имя. То, как он прикасается ко мне, и вообще, все его действия... Я безраздельно принадлежу ему.

— Пожалуйста, Джеймс, вылижи мою киску. — Я удивлена тому, что произношу эти слова.

Он поднимает меня на руки и несет к кровати, затем усаживает на нее, толкая рукой в грудь до тех пор, пока я спиной не касаюсь прохладных простыней.

— Приподними бедра. — Я делаю в точности, как он мне говорит, после чего он стягивает с меня шорты, останавливаясь на секунду, чтобы поцеловать внутреннюю сторону бедра, а затем слегка прикусить. Моя спина изгибается от ярких ощущений, и я чувствую влажное желание. Он поднимает голову и продолжает стягивать шорты, затем отбрасывает их в сторону, когда, наконец, снимает. — Откройся для меня.

Я в одно мгновение краснею от интимности его слов.

— Откройся, Харпер.

О, боже. Я развожу ноги в стороны и открываюсь ему, прикрывая глаза. Влага полностью покрывает мои складочки. Он двумя пальцами касается влажных складок и плавно проводит пальцами, захватывая и распределяя желание.

наслаждение вновь пронзает меня.

Он легко шлепает меня по промежности, заявляя:

— Я сказал еще не время.

— Но почему? — я хочу спросить его еще что-то, но тут он проскальзывает в меня пальцем, заполняя мое лоно и заставляя меня задохнуться от ярких ощущений. Его тяжелое дыхание касается моих складочек, а внутренние мышцы сжимают его пальцы словно кулак.

— Мы можем обсудить все позже, Харпер, но сейчас будь хорошей девочкой и делай так, как я тебе велю. Когда я захочу, чтобы ты кончила, я дам тебе знать.

Я приподнимаюсь на локтях, смотря в его глаза. Его взгляд... ох, я могла бы вечно смотреть в его глаза, они наполнены страстью, вождением, поклонением моей красоте. Затем он, не сводя с меня мерцающих глаз, медленно проводит языком вдоль моей раскрытой киски, слизывая влагу, а я, задыхаясь, облизываю губы.

— Боже... Х-хорошо.

Он тянется пальцами к моей груди и стискивает твердый сосок, слегка приподнимаясь, он проводит пальцами по моей нижней губе, и я чувствую свой вкус на губах. Я открываю рот и втягиваю кончики его пальцев, посасывая их и играя языком с ними, словно это его член. Я чувствую свой вкус у себя во рту, как в тот день в холле.

Джеймс стонет от такой откровенной, похотливой ласки, и теперь я чувствую свою власть над ним. Он прав. Секс — власть. Сейчас у меня есть власть над ним.

— Ты чертовски сексуальна, ты знаешь это?

Я не отвечаю, а только сильнее начинаю ласкать его пальцы своим языком, вырисовывая круги и поддразнивая кончиком языка.

— Я так хочу почувствовать твой рот на моем члене, Харпер.

— И я очень хочу этого. — В этот раз я желаю видеть выражение его лица, когда он будет кончать глубоко в мое горло.

— Чуть позже, маленький Воин. Сначала я тебя жестко и хорошо оттрахаю, затем мы вместе примем душ и продолжим наше сексуальное исследование.

Его пальцы начинают проникать меня сильнее и быстрее, он отстраняется и нежно дует на мою киску, в ответ на его действия я с силой хватаю его за волосы и притягиваю к киске, умоляя о ласке его языка.

— Пожалуйста, еще. Я хочу еще твой язык на моей киске. Пожалуйста, вылижи меня, Джеймс.

Когда я произношу его имя, он рычит и хватается мои запястья, сдавливая их.

— Подними руки над головой, Харпер. И не убирай их оттуда, пока я тебе не скажу этого.

Я мгновенно подчиняюсь его приказу, и его язык вновь на моей киске. Сначала он всасывает и потягивает одну складочку, затем вторую, прежде чем возобновить нападку на клитор. Он снова кружит по моему бугорку кончиком языка, прикусывая чувствительную вершинку.

— Ммммммммм, — это все, что я могу выдать из себя, я близка к тому, чтобы кончить. С моих губ срываются шипящие звуки и сдавленные стоны.

— Сейчас я буду считать, Харпер. И когда я произнесу три, ты можешь кончить. Не два, не один, не четыре, а три.

Я радостно киваю, готовая делать все лишь бы, наконец, кончить.

— Да, три. — Я толкаюсь бедрами, пытаюсь подтолкнуть его к тому, чтобы он глубже

вошел в мое лоно своими пальцами.

Он вонзает пальцы, как можно глубже, чуть сгибая их и надавливая на какую-то точку, от которой мои бедра резко приподнимаются и начинают неистово подрагивать.

— Один, — хрипло говорит он, и захватывает губами клитор. Жестко посасывая, продолжая толкаться пальцами в мое влажное лоно. — Два, — его язык начинает порхать вокруг клитора, затем он ударяет по нему языком, протягивая руку вверх и сжимая мою грудь, подушечками пальцев обводя ореол соска, пока тот не превращается в твердый камешек.

Затем он приподнимается и прижимает меня своим твердым телом к кровати, жадно нападая на мой рот в голодном поцелуе. В то время как его пальцы продолжают неистово трахать меня, а большим пальцем он жестко надавливает на клитор, и прежде чем я могу понять, что происходит, он тихо выдыхает мне в губы:

— Три.

Мой оргазм обрушивается на меня как лавина, неумолимо и стремительно поглощая мой разум и забирая мое дыхание.

— Ты хорошая девочка, — шепчет он, — ты так хорошо исполняла мои приказы, такая отзывчивая, твои соски умоляют о ласке. Идеальная, ты создана для меня.

Он вытаскивает свои пальцы из моего лона и глубоко целует меня. Наш поцелуй сладкий и неспешный, его язык исследует меня. Его руки ласкают изгибы моего тела, проводя вновь и вновь по моему бедру, его рука меняет свое направление, и он вновь касается моего изнывающего от недавнего оргазма клитора, он легко проводит по промежности, нарочно задевая его.

Я постанываю. Мой клитор сейчас ощущается сверхчувствительным.

— Готова? — с нотками нежности в голосе спрашивает он.

Я открываю глаза и киваю.

— Да.

— Желаешь ли ты отдать мне себя?

Я вновь киваю с таким энтузиазмом, будто от этого зависит безопасность всего мира.

— Да.

— Ты уверена? Потому что если ты выберешь меня, я буду тем, кто будет трахать тебя до конца твоей жизни. Других не будет.

Я хмурю брови.

— Потому что ты только моя. Если я твой первый, то буду твоим последним. Других не будет. Поэтому мне нужно знать, что ты уверена. — Он внимательно пожирает меня взглядом, пока я обдумываю его слова. — Ты уверена, Харпер, я не слышу ответа?

Он настолько красивый. И первое мое впечатление о красоте было безошибочным. Его брови вопросительно приподнимаются, когда я не отвечаю на его вопрос, вместо этого я проскальзываю пальцами в его волосы и легко смахиваю со лба темную прядку.

— Я твоя, Джеймс. Я клянусь тебе всем на свете, что я только твоя и буду только твоей. — Я не лгу ему, я, правда, чувствую себя всецело его.

— Я знаю это. Ты только моя, и всегда должна была быть только моей, ты мне обещана. — Сейчас мои мысли настолько хаотичны, что я не могу толком вникнуть в сказанное им. Затем он, не мешкая, поднимается с кровати и становится передо мной. — Раздень меня, Харпер.

То, как он произносит мое имя, заставляет меня немного нервничать в предвкушении.

Мое тело покалывает. Я тянусь к краю его футболки и стягиваю ее через его голову, отбрасывая на пол и медленно проводя ладонью по его шести кубикам пресса. Как только мои пальцы касаются его, он внутренне напрягается. Его тело подтянутое, мускулистое и загорелое.

— Ты когда-нибудь... — он замолкает, потому что я вижу, насколько это для него важно.

Я прекрасно понимаю, о чем он спрашивает, поэтому отрицательно качаю головой.

— Господи Иисусе. — Он замолкает и разглядывает меня. Затем всматривается в мои глаза, будто они могут ему открыть все мои тайны. — Как это случилось, Харпер? — мое тело охватывает пламенем от его слов, и я задерживаю дыхание. Потому что я согласна, в какой-то степени это... невероятно.

Он не колеблется и притягивает меня в свои объятия, и то, как он прижимает меня к себе, заставляет каждое сомнение, что одолевает меня, вмиг испариться.

Мои руки ложатся на его твердую грудь. Его кожа гладкая и упругая. Все мышцы четко выделяются под кожей. На нем никаких отметин. Ни татуировок, ни шрамов.

— Ты идеальный, — произношу я заворожено.

— Это все принадлежит тебе. Если мы займемся сексом, это всегда будет твоим. — Я улыбаюсь его обещанию.

— Обещаешь?

Внезапно он заключает мое лицо в свои ладони и придвигается ближе ко мне.

— Это все твое навсегда. Если мы сделаем это, Харпер, то ты тоже будешь моей навсегда.

Его слова сбивают меня с толку, но я думаю, что просто сейчас я не в том настроении, чтобы рассуждать. Сейчас я хочу лишь реагировать и чувствовать. Я опускаюсь на колени и поднимаю на него свой взгляд. Я хочу запомнить его именно таким. Хочу запомнить восхищение в его глазах. Мои пальцы медленно расстегивают его ремень, и я задерживаю дыхание, когда чувствую под своими пальцами его твердую и горячую плоть, что сдерживается боксерами. Я внимательно наблюдаю за его реакцией, чтобы понять нравится ли ему мое прикосновение. Его ладони накрывают мои, тем самым напоминая, что я должна делать.

Мои пальцы расстегивают его джинсы и спускают по ногам вниз. Я нервно слатываю, стягивая его боксеры тоже. Я поднимаю на него глаза, касаюсь головки языком и захватываю жемчужную капельку предэкулята.

Он откидывает голову назад и приоткрывает губы, когда я полностью беру его в рот, поддразнивая уздечку языком. Он запутывается рукой в моих волосах, с силой толкается своими бедрами, входя как можно глубже в мой рот. Я пытаюсь ласкать его так же, как он ласкал мой клитор — кружу языком и ласкаю нижнюю часть члена. Он издает рык:

— Да, Харпер, Вот так, детка.

Я открываю рот шире и пытаюсь взять его член практически до горла, но внезапно он останавливает меня, слегка потягивая за волосы.

— Нет, детка. Я просто хотел, чтобы ты немного поласкала его, но кончить я хочу в твою киску, а не в горло.

Мысль о предохранении быстро всплывает в моем сознании, но также стремительно испаряется, когда он поднимает меня высоко вверх, а я быстро оборачиваю ноги вокруг его талии, его внушительная, горячая эрекция прижимается к моему животу. Он поворачивается

и присаживается на кровать, усаживая меня к себе на бедра, быстро скидывает кроссовки и джинсы, отпихивая их в сторону. Джеймс протягивает руку между нашими телами и касается меня между ног, проводя пальцами, размазывая влажное желание и слегка потирая клитор.

— Ты такая мокрая, такая готовая для меня. Приподнимись, рукой обхвати мой член и неспешно опустишься на него, — я напряженно сглатываю, пристально смотря в его мерцающие от желания глаза, — не спеши, не нужно, ты можешь делать это медленно.

Я делаю глубокий вдох и послушно киваю. Затем я приподнимаюсь, тянусь рукой и обхватываю его член ладонью, медленно опускаясь на него. Вначале легкая боль заставляет мое тело слегка оцепенеть и задрожать, но я очень влажная, что облегчает мои действия.

Я опускаюсь еще на пару миллиметров, и на этот раз вскрикиваю от боли, он тотчас накрывает ладонью мою щеку и тепло шепчет:

— Медленнее, детка. Не нужно спешить. У нас есть время. Доставь удовольствие себе, я хочу почувствовать, как твоя узенькая киска сжимает мой член.

Я сглатываю и приподнимаюсь, опускаюсь, затем закусываю нижнюю губу, и приподнимаюсь снова, повторяя свои действия. Я повторяю это опять и опять, снова и снова, и каждый раз Джеймс поощряет меня поглаживанием по щеке и поцелуем в губы, при этом выдыхая:

— Какое восхитительное ощущение чувствовать тебя на своем члене, как твои внутренние стенки сжимают его. Чистый кайф, детка, пожалуйста, попробуй опуститься еще немного, я умираю от желания быть в тебе полностью.

Мое тело сразу же откликается на его слова, воспринимая их как приказ. Я тоже хочу почувствовать всю его бархатную твердую длину в моей киске. Я приподнимаюсь, и он кладет свои ладони мне на задницу, впиваясь пальцами в упругую плоть, удерживая меня на месте, когда начинает проникать глубже. Я подаюсь своим телом вперед, утыкаясь в изгиб его шеи, задыхаясь от сильных ощущений. Влажный жар моей киски медленно поглощает его твердую длину миллиметр за миллиметром, пока наши тела полностью не соединяются в нашей потребности.

Я принадлежу ему.

Он приподнимает меня, практически полностью выходя из моей киски, но в следующее мгновение он входит в меня разом во всю длину. Я вскрикиваю, и мое тело напрягается, словно натянутая струна, он чувствует это и немного сбавляет темп, начиная проникать в меня медленными, размеренными толчками. Когда я полностью расслабляюсь, то чувствую, что к моей попке прижимается его палец, он проводит подушечкой пальца вокруг тугого колечка мышц, поддразнивая и распаяя мой интерес. Когда я расслабляюсь, то сама толкаюсь задницей к его пальцам, он только ухмыляется, и проскальзывает в меня указательным пальцем, преодолевая жесткое сопротивление колечка мышц. Саднящая боль от его проникновения опалает мои чувства, но в свою очередь, рождая удовольствия от его проникновения в мою киску. Боль и наслаждение уравниваются.

Я издаю стон в изгиб его шеи, когда меня снова и снова накрывает накатывающее удовольствие.

— Джеймс, можно мне кончить? Я так сильно хочу кончить на твой член.

— Этот раз касается только тебя, если ты хочешь кончить, то кончай. Если мой член чувствуется хорошо внутри твоей узенькой киски, тогда делай, как ты хочешь, Харп. — Мое имя на его губах перебрасывает меня за грань удовольствия, и я кончаю. Я откидываю голову

назад, тело выгибается и мучительный стон вырывается из моей груди. — Джеймс...

Когда удовольствие и пульсация от оргазма немного проходит, Джеймс обнимает меня за талию и резко переворачивает, подминая под себя. Он хватается меня за талию, начиная вновь толкаться, увеличивая темп. Его яички издают шлепающий звук, когда ударяются о мою задницу, тем самым увеличивая стимуляцию и заводя меня еще больше. Джеймс убирает руку с моей талии, протягивая ее между нашими телами, и сжимает между большим и указательным пальцами мой ноющий клитор. Я откликаюсь на эту сладостную боль. Громкий стон вырывается из моего горла и через долю секунды, я полностью теряюсь в удовольствии.

Мы кончаем вместе с его последним толчком в мою киску. Он изливается в меня, в то время как его член слегка подергивается во мне. Освобождение настолько сильное, что я не думаю ни о чем кроме этого восхитительного и внимательного мужчины.

Харпер

Он подвигается вперед к изголовью кровати, оставаясь внутри меня, пока мы двигаемся вместе. Затем опускается на подушку, крепко прижимая меня к себе.

— Харпер, Господи, я не могу поверить в то, что мы тут.

Я немного хмурюсь, потому что обдумываю вопрос, что возник у меня в голове.

— Что ты имеешь в виду?

Он поворачивается, аккуратно выскользывая из меня, потом смотрит на меня и притягивает мою задницу к своим бедрам.

— Спи, — произносит он тихо. — Мы закончим этот разговор утром.

Я хмурюсь, все то время, пока лежу здесь. Меня тревожат его слова, поэтому я мысленно прокручиваю произошедшее от начала и до конца. Его внезапное появление на пирсе. То, как он нырнул за мной, не раздумывая ни секунды. Я думаю, эти размышления имеют смысл, потому что он мог донести на меня, сообщить, что нашел пропавшую беглянку. И если он действительно номер Шесть и не совершил этого, то он подписал себе смертный приговор. Он обманывает Организацию — этого не прощают.

— Спи, Харпер, — говорит он с нажимом. — Мы поговорим завтра. — Я извиваюсь в его руках и поднимаюсь. — Куда...?

— В ванную, — отвечаю я, чтобы защититься от его расспросов. Я думаю, что выбрала неподходящий момент, чтобы включить мозги и прислушаться к голосу разума. Я имею в виду, что я только что подарила ему свою девственность. Когда Адмирал узнает, он будет в ярости. А если Джеймс номер Шесть, то он обязательно узнает об этом. Но, возможно, Джеймс в бегах, как и я? А может, он враг моего отца?

Я захожу в ванную, закрываю дверь и включаю душ. Внезапно я чувствую себя ужасно грязной. Я не отрицаю, что находиться вместе с ним, заниматься сексом — это ощущается так правильно, очень правильно. Но в данный момент, когда моя нужда удовлетворена, а сознание прояснилось, у меня образовалось множество вопросов. Очень много.

К примеру... Как долго он за мной наблюдает? В разговоре он намекнул, что месяцы. Месяцы? Но в этом нет смысла. Также во многих предложениях, что он говорил, я отметила нестыковки. Он убил своего брата номер Пять, и сказал, что Организация настоятельно посоветовала ему немного отдохнуть, разобраться в себе, но нельзя без последствий убить другого киллера, который трудится на Организацию. И да, я вижу, что он, определенно, запутался и не знает, что творит, я вижу смятение в его душе.

Я бы убила за то, чтобы сейчас мой брат был рядом. Я бы сделала все, чтобы вернуть его, чтобы он вновь был со мной.

Я включаю горячую воду, пока смотрю в зеркало на свое отражение, ожидая пока вода нагреется.

Почему я все еще здесь? В этой квартире? Почему я все еще жива? Возможно ли такое, что Адмиралу неизвестно где я? Я была очень аккуратна, когда сбегала от них. Я опоила всех на корабле. Им было ужасно плохо, даже капитану. Именно по этой причине судно сбилось с курса. Я, возможно, даже убила кого-то из них. Не знаю ничего об этом. Мне удалось удачно проверить свой план побега, потому что у нашего корабля был отличный быстроходный

кагер для экстренных целей. Управлять им было не так уж и сложно, если учесть, что меня учили этому с подросткового возраста.

Наш корабль располагался совсем недалеко от Таити, а я много раз была там, поэтому меня хорошо знали и всегда приветствовали. Естественно до того раза, я никогда не появлялась там сама, а всегда была в сопровождении охранников. Но я объяснила всем, что за день до этого был мой день рождения. Адреналин бурлил в моей крови, заставляя меня выглядеть немного возбужденной и нервной. Уладив все в порту, я, не теряя ни минуты, взяла такси напрямик до международного аэропорта Фааа, где села на самолет до Гаваев. Я вышла из самолета будучи еще Харпер Тэйт, а села на следующий, как Джулиан Стюарт. И когда самолет приземлился в Лос-Анджелесе, я была полностью свободна.

С собой у меня был единственный рюкзак, еще у меня был ключ. Его отдал мне брат за день до моего восемнадцатилетия. Я не знала от чего он, но не стала спрашивать. Потому что тот день был последним, когда мы были вместе, и я все еще противилась этому, я не привыкла быть без него.

Но у него не было выбора. Они забрали его. Но он успел оставить мне ключ.

На ключе был выгравирован адрес. Я взяла такси до библиотеки Калифорнийского университета, поднялась на лифте на пятый этаж в камеру хранения. И там нашла свое будущее.

Тридцать тысяч долларов, телефонный номер, телефон, флеш-накопитель в виде рыбки, пузырек с «Ативаном», кроме того там было написано предупреждение от Ника, чтобы я принимала их лишь в случае крайней необходимости. У меня заняло долгих шесть месяцев, чтобы побороть зависимость от этих таблеток. Это был очень долгий процесс, даже сейчас, когда я не притрагивалась к ним на протяжении года, при первом приступе страха тянусь за ними.

Потом я забрала деньги, позвонила по номеру, взяла такси по тому адресу, который мне был дан, заплатила арендную плату на год вперед, затем опустилась в изможденном состоянии на стул посреди комнаты и начала ждать.

Мне потребовались долгие недели, чтобы немного привыкнуть к моему новому положению. В первые дни я ходила, оборачиваясь через плечо, боялась людей, которые шли за мной. Иногда одинокими вечерами я размышляла о том, что если бы я осталась на день дольше, то меня выдали бы замуж за старика.

Скорее всего, это и планировал мой отец. От нас не скрывали, что на восемнадцатый день рождения нас Ником разлучат, они скрывали от меня затею с замужеством до моего шестнадцатилетия. А затем постепенно мне начали все рассказывать. О, Харпер, когда тебе исполнится восемнадцать лет, тебя выдадут за одного счастливчика, которому ты была обещана на твой шестой день рождения. Когда мы ступали на сушу и заходили в магазины, все продавцы одежды интересовались, какое свадебное платье я присматриваю себе.

Но я на протяжении всего времени хранила молчание. Никогда никому не перечила. Я ждала время, когда я смогу принять свою битву. Не было смысла вести маленькие сражения, когда я могла выиграть войну.

Но одержала ли я победу? И выиграла ли я в итоге? В моей кровати лежит потрясающе красивый наемник. Я все еще свободна. Он не убил меня — он трахнул меня. Я влюбилась в него. Я точно знаю это. Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Я хочу быть с ним, хочу слушаться его. Даже сейчас, когда я чувствую, что он что-то скрывает и в его истории явно имеются белые пятна, я все еще хочу его.

Но, может быть, он так же хорошо в расстановке приоритетов, как и я. Может, он тоже ждет подходящего момента, чтобы избавиться от меня? Тем самым одержать победу более значимую, чем просто сообщить, что обнаружил меня.

Стук в дверь вырывает меня из мыслей.

— Харпер, — тихо говорит Джеймс. — Все в порядке? — не дожидаясь ответа, просто отворяет дверь и заходит в ванную. Я поворачиваю голову в его сторону и улыбаюсь ему. Я не могу ничего поделать, он очень красивый. — Решила принять душ? — интересуется он, указывая кивком головы на воду, что немного разбрызгивается от сильного напора.

Я киваю и улыбаюсь ему. Он подходит, регулирует температуру, затем открывает верхний выдвижной шкафчик и достает новую бритву. Я удивленно приподнимаю брови. И не потому, что он собирается побрить меня. Когда он сказал, что сделает это, я была уверена, что он исполнит то, что обещал. Меня настораживает тот факт, что он знает, где я храню бритвенные станки. Это означает, что он осматривал весь дом, когда следил за мной.

— Это тебя пугает? — говорит он, словно догадываясь, о чем я думаю.

— Да, — быстро отвечаю я, кивая. — Почему ты следил за мной? — я пытаюсь, чтобы мои слова не казались ему обвиняющими, но они слышатся именно так.

Он берет меня за руку и ведет к душе, заходит в ванную, я следом за ним. Он становится под теплые струи воды и прикрывает глаза, когда проводит руками по лицу и трясет головой, отчего капли воды с его волос летят в разные стороны. Его волосы находятся в прекрасном беспорядке, что делает его еще более привлекательным, заставляя меня еще больше желать его прикосновений.

Он выходит из-под каскада теплой воды и легко перемещает меня на свое место. Я поднимаю голову вверх и наслаждаюсь потоком воды, что стекает по моей голове. Выхожу из-под теплых струй и провожу руками по лицу, затем вижу, что меня поглаживают мыльными руками.

— Как только я увидел тебя, мне моментально захотелось узнать кто ты. Потому что пару месяцев назад я видел твои фотографии, они показывали их всем для того, чтобы, если кто-то увидит тебя, немедленно сообщили. Они прекрасно знали, что ты где-то на территории Лос-Анджелеса, твой поддельный паспорт не смог никого одурачить и принести тебе спасение, как только они просмотрели видео с камер наблюдения, то все поняли. Мне кажется, именно по этой причине они сказали мне отдохнуть здесь.

— А они знают мое точное местоположение?

— Я не сообщал им о тебе, — отвечает он просто. Но это не является ответом на мой вопрос.

— А разве у тебя не будет из-за этого проблем? Разве Адмирал не будет зол, если все пронюхает про нас?

— Может, он и не узнает об этом? — его большие, шероховатые ладони останавливаются на моих бедрах, намазывая их пеной. Он проводит ладонями до моих лодыжек и также легко проводит ими вверх, слегка массируя нежную кожу на внутренней стороне бедра, проскальзывая ладонью между ног, немного подраживая припухшие складочки, в следующую секунду намазывая узенькую полоску светлых волос мыльной пеной. — Раздвинь ноги, Харпер.

Он тянется за бритвой, пока я раздвигаю ноги. Я регулярно сама себя брею, оставляя тонкую полоску волос, поэтому не сказать, чтобы все выглядело там настолько плачевно. Он аккуратно и сосредоточенно проводит бритвой по зоне бикини, нежным движением убирая

лишний пушок. Джеймс прижимается ладонью к киске, легко надавливая на нее, раздвигает пальцами влажные складочки и проводит ими по клитору, проскальзывая пальцем в шелковистое лоно, затем берет мою руку и прижимает ладонь к обнаженной гладкой коже киски.

— Почувствуй это, Харпер.

Я слегка провожу кончиками пальцев по гладкой коже и наслаждаюсь тем, как это приятно чувствуется. Джеймс накрывает своей ладонью мою, и наши руки двигаются неспешно, в одном ритме поглаживая меня между ног. Его ладонь создает легкое давление на мою, направляя мой палец в лоно, заставляя меня неспешно ласкать себя. Пока я наслаждаюсь потрясающими ощущениями, он опускается на колени, поднимает мою ногу и кладет себе на плечо. Он располагается между моих ног, раздвигает пальцами влажные складочки и проводит языком по моей влажной плоти. Боже, все, чего я хочу в данный момент, просто умереть. Я растворяюсь в ощущениях и наслаждаюсь ласками, что он дарит мне.

Все мои мысли о его тайнах, что одолевали меня ранее, испаряются в тот момент, когда я чувствую его язык на своем клиторе и то, как он нежно всасывает и покусывает его. Я в его полной власти, опять. Я кончаю почти сразу же, и это освобождение такое же сильное, как и до этого. Когда оргазм накрывает меня мощной волной, я толкаюсь к его лицу, чтобы почувствовать его как можно ближе. Джеймс медленно поднимается, и я подаюсь вперед, прижимаясь к нему всем телом, он поддерживает меня, когда моет мои волосы, массирует кожу головы. Когда мы прекращаем мыться, он выключает душ, и ласково вытирает мое тело, проводя полотенцем по груди, нежно потирая соски, проходясь махровой тканью по животу, мягко проводя полотенцем между ног.

— Мы еще не закончили, Харпер.

Я смотрю на него во все глаза, очарованная его красотой. Меня восхищает его способность быть со мной нежным и терпеливым, несмотря на то, что он опаснейший человек во всем мире.

Я, скорее всего, влюбляюсь в убийцу.

Он берет меня за руки, и мы заходим в гостиную, останавливаясь у стула.

— Наклонись, — говорит он спокойным голосом. Я оборачиваюсь и смотрю на него через плечо. Он дарит мне ласковую улыбку и мои страхи рассеиваются. — Доверься мне, — выдыхает он, склоняясь ко мне, чтобы оставить поцелуй на губах. — Я не собираюсь причинять тебе вреда. — Потом он начинает меня подталкивать, нагибая вперед, пока я полностью не склоняюсь над стулом и не выгибаю спину, приподнимая попку вверх.

Он начинает неспешно поглаживать каждую ягодицу, массируя мои расслабленные мышцы и иногда, словно невзначай, касаясь меня между ног. Когда я полностью теряюсь в своем удовольствии, он опускается на колени позади меня и просит меня раздвинуть ножки пошире. Джеймс проскальзывает пальцем внутрь и наружу пульсирующего лона, затем рукой проводит между влажных складочек, распределяя влагу, и в следующее мгновение он погружается языком в лоно, раскрывая большим и указательным пальцами внутренние лепестки. Джеймс продолжает искусные, мучительные нападки, пока я не начинаю постанывать и не толкаюсь к нему задницей. Он выскальзывает пальцами из моей киски и обводит подушечкой пальца вокруг тугих мышц ануса.

Он протискивается пальцем, преодолевая сопротивление мышц узкой дырочки, и я задыхаюсь от ощущений.

— О, немного больно, — быстро выдыхаю я, и он сразу же убирает палец.

— Расслабься, — шепчет он. — Я сегодня слишком утомлен, чтобы действовать медленно и неспешно, поэтому знакомство с твоей попкой мы отложим на следующий раз. Сейчас я хочу жестко и быстро. — Я чувствую, как он поднимается с колен и прижимается своим твердым телом ко мне, кусая меня за плечо и одновременно входя в меня. Я слегка дергаюсь под его натиском, боль от проникновения разрывает мое тело, он словно чувствует это, останавливаясь и позволяя мышцам моего лона привыкнуть к его размеру. Он не врал, это не медленно и нежно. В этот момент, он начинает поглаживать мои бедра и нашептывать мне на ухо нежные вещи. — Ты такая красивая, — говорит он. — Ты буквально сводишь меня с ума, — стонет он, выходя из моей киски, затем резко входя до основания. В этот раз боль не такая сильная, с каждым следующим толчком она становится все меньше и меньше, постепенно сменяясь чувством удовольствия.

Когда он убеждается, что со мной все в порядке, то крепче сжимает ладони на моих бедрах.

А затем он начинает трахать меня. Жестко. Как мужчина трахает женщину, а не девочку. Он делает меня женщиной. И даже несмотря на боль, это ощущается очень правильно и приятно. Я не могу избавиться от желания, чтобы он обладал мной снова и снова.

Когда я чувствую, что его член дергается и увеличивается в размере, он резко выходит из меня и разворачивает, усаживая на колени перед собой, в следующее мгновение он проводит по члену рукой и кончает мне на грудь. И в тот раз я вижу его лицо, искаженное от удовольствия. Он откидывает голову назад и приоткрывает рот, когда из его груди вырывает стон удовольствия.

И я вижу это.

Я чувствую это.

Власть, которая у меня есть над ним, настолько же реальна, как и его власть надо мной.

Когда все заканчивается, он берет меня за руку, подводит к кровати и укладывает на нее.

— Я сейчас вернусь. Лежи спокойно, я освежу тебя. — Он быстрыми шагами направляется в ванную комнату и прикрывает за собой дверь. Как только он исчезает за дверью, раздается вибрация его телефона, который лежит на полу, я быстро переворачиваюсь и смотрю на него. Скорее всего, он выпал из кармана его джинсов чуть раньше.

У меня нет ни одной мысли шпионить за ним, но экран телефона загорается светом, и я пристально смотрю на него. На экране виднеется адрес. Я запоминаю его. Затем приходит еще одно сообщение, в котором просто написано пару слов: «Все готово».

Ручка двери ванной поворачивается, и я быстро разворачиваюсь и утыкаюсь лицом в подушку, делая вид, что сплю. Если он и обеспокоен пришедшими сообщениями, то не показывает мне этого. Он подходит к кровати, кладет свою ладонь мне на плечо, разворачивая меня к себе. Я чуть приоткрываю глаза, улыбаюсь ему, и затем закрываю опять, когда он проводит мягкой теплой губкой по моей груди.

Пару минут спустя, он забирается на кровать и притягивает меня к своей груди, оставляет поцелуй на моих волосах и шепчет:

— Ты моя, Харпер. Только моя. Несмотря ни на что, ты всегда будешь только моей.

Харпер

Когда я просыпаюсь, то вижу, что его уже нет.

На столе лежит записка и приличная сумма денег рядом с ней. Я подсчитываю наличные, пока стою обнаженная возле стола. Он оставил семьсот сорок два доллара. А он носит с собой большие деньги. В записке говорится: «Сходи в магазин и купи нормальной еды, ты слишком худая. Скоро вернусь».

Вот и все.

Скоро вернусь.

Настает завтра, а за ним и послезавтра. Дни сменяют друг друга, а Джеймс все не приходит и не приходит. Некоторое время я просто смотрю на экран телефона, желая, чтобы он позвонил мне прямо сейчас. Почему я не запомнила номер телефона, с которого ему пришли сообщения. Как же это глупо.

Я захожу в подсобное помещение и просматриваю свою записку. У меня осталось всего сто пятнадцать долларов. И в памяти всплывает тот адрес, что пришел на телефон Джеймса. Я собираю свой рюкзак, необходимые предметы гигиены, оставляю ключ и забираю последние деньги.

Может, я вернусь, а может, и нет. Но я не оставляю ничего после себя. Я устала ждать охотников, что охотятся за мной. Я устала рассуждать, жив мой брат или мертв. И я устала ждать Джеймса, несмотря на то, что прошло всего пару дней, как он отсутствует.

Я так устала быть невидимкой.

Я устала быть тихой, терпеливой, устала подчиняться, словно ручная собачонка.

Но больше всего меня угнетает, что моя жизнь превратилась в ожидание, будто судьба нажала на «паузу», останавливая все в конкретной точке. Я собираюсь отыскать единственного мужчину на свете, которому я безоговорочно доверяю.

Я собираюсь вернуть своего брата, которого я потеряла, или я просто умру от постоянных бессмысленных попыток сделать это.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте — Knigolub.net